Егерь. Книга 2. Последний билет в рай

Александр Быченин

Александр Павлович Быченин

Егерь. Книга 2. Последний билет в рай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72131128
SelfPub; 2025

Аннотация

Олег Денисов, пресытившийся приключениями на Находке, мечтает лишь об одном – спрятаться в каком-нибудь тихом уголке, где никому до него не будет дела. Казалось бы, все к этому и идет: назначение на Нереиду, малоисследованную земную колонию, сулит ему и его девушке Гале непыльную работенку на научной станции, затерянной среди островов Южного полушария планеты. Живи и радуйся! Петрович, кстати, тоже не против – у него здесь обнаружились новые друзья, разумные псевдодельфины. Однако старый враг дает о себе знать, вынуждая героев вступить в неравную схватку, от исхода которой зависит их жизнь. Сумеют ли они выстоять или снова придется спасаться бегством?

Содержание

ПРОЛОГ 4
Глава 1. Прибытие 13
Глава 2. Дела и заботы 73
Глава 3. Моя твоя не понимай 133
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Александр Быченин
Егерь. Книга 2.
Последний билет в рай

ПРОЛОГ

Система Росс-614, планета Болл, Диптаун, региональное управление СБФ, 21 ноября 2537 года, вечер

– Молодые люди, а вы когда в последний раз были на курорте?

Сидящий напротив нас с Галей мужчина средних лет, этакий эталонный офис-менеджер, окинул вопросительным взглядом сначала меня, потом мою напарницу. Развалившийся на девичьих коленках Петрович остался недоволен такой дискриминацией и подал голос. Галя незамедлительно на него шикнула, а я подавился так и просившейся с языка репликой типа «молчи, рыжее чудовище!», что по причине одинакового колера моей ненаглядной и котяры было чревато весьма и весьма. Да и вопрос врасплох застал, чего греха таить.

Если честно, то не так уж и давно, положенный после отдыха год я отработать так и не успел. Сначала скоротечная

командировка на Находку (и полутора месяцев не заняла, и это с учетом перелетов), потом долгие и нудные разборки в различных инстанциях. Но здесь повезло, дело ограничилось трибуналом, в гражданский суд не передали. А чего вы хотели, самое крупное ЧП за последнюю пару лет, даже эпопея на Ахероне не сравнится. Там, насколько я знаю, нашли всего лишь развалины древней базы Первых, а на Находке нас угораздило нарваться на действующий объект. О том приключении мы с Галей долго будем помнить – «татуировки» (у нее на лопатке, у меня на плече) забыть при всем желании не дадут. Ладно хоть клятый искин давно о себе не напоминал, видимо, повода не было. Впрочем, история эта темная и кровавая, и заслуживает отдельного рассказа. Если вкратце, первая за нынешнее столетие дальняя экспедиция обнаружила на планете Находка злокозненный артефакт Первых – таинственной цивилизации, оставившей немало следов в нашем секторе пространства. Например, невесть зачем расселив человечество минимум на трех планетах, из-за чего мы поимели Большую Войну с легорийцами, от которой еле оправились. Эта неведомая раса (не очень-то теперь и неведомая, после нашего с Галей общения с искусственным интеллектом базы) владела удивительными технологиями, одной из которых являлся биокомпьютер. Именно он стал корнем всех бед экспедиции, поскольку посчитал явившихся людей достаточно веской причиной для активации первой ступени Программы – алгоритма, заложен-

ного в него создателями. Правда, для этого ему пришлось устроить серию живодерских экспериментов, что в результате привело к эвакуации личного состава исследовательского комплекса. Сам искин после этого закуклился вместе с базой на ближайшую сотню лет, так что теперь планета безопасна.

Все бы ничего, но из этой авантюры торчали уши компании «Внеземелье», подчиненной, как выяснилось, интересам одной (или даже нескольких, пока еще неизвестно) могущественной оружейной корпорации. По факту служба безопасности беспокоилась о чем угодно, только не о той самой безопасности. Через это у меня с безопасниками случился нехилый конфликт – минимум три трупа и один покалеченный, при значительном количестве просто побитых. А тут еще мы с Галей оказались непосредственными участниками контакта с искином, то есть превратились в сверхценные источники информации. Соответственно бравые силовики попытались нас под шумок захватить и вывезти в неизвестном направлении. Хорошо, вступился майор Исаев – командир подразделения Охотников, входящего в состав экспедиции, и нам удалось отбиться. Но на этом история не закончилась: Карл Линдеманн, главный эсбэшник экспедиции, сфабриковал против меня дело. Ага, обвинил в убийстве и причинении тяжких телесных. Я, конечно, тоже позаботился о небольшой страховке, поэтому мы относительно спокойно добрались до Болла вместе с остальным персоналом. И уже здесь завертелось. С подачи того же Исаева и начальника

экспедиции капитана первого ранга Яковлева дело взяла под контроль СБФ, и в ходе проверки выяснилось много любопытного. Ниточки тянулись далеко наверх, почти к самому чиновничьему олимпу, и кто-то могущественный предпочел тихо спустить дело на тормозах. В итоге я получил служебное взыскание, а также лишился одного воинского звания. А так как офицеров ниже лейтенанта в Егерской табели о рангах не предусмотрено, то лишили меня, так сказать, на будущее – то есть получение очередной звездочки откладывалось на неопределенный срок. Не больно-то и хотелось, если честно. Зато моя ненаглядная – Рыжик Галина Юрьевна (юная особа запоминающейся внешности, чему в немалой степени способствовал цвет шевелюры) – отделалась легким испугом. Она человек не военный, в экспедиции была младшим научным сотрудником биологической лаборатории профессора Накамуры, и все последствия (кроме стресса от общения с компьютером Первых) для нее ограничились потерей темы диссертационной работы.

Весь крайний месяц мы с периодичностью в пару дней беседовали с вежливыми, профессионально неприметными молодыми людьми, пытавшимися выведать у нас подробности пребывания на базе Первых. Но все их усилия пропали даром – мы заготовили подходящую легенду, еще когда с Находки эвакуировались. Обо всем прочем рассказали сразу и без утайки, а вот знакомство с искином афишировать не собирались. К нашему удивлению, мнемосканирование эф-

факта также не возымело, чем мы в очередной раз поставили местных медиков в тупик, и нас упорно обрабатывали уже которую неделю, не опускаясь, впрочем, до пошлостей вроде сыворотки правды или побоев. А сегодня вообще вызвали к большому начальнику – тому самому офис-менеджеру. Как я понял, Сергей Семеныч, как он предложил себя называть, являлся шефом регионального управления СБФ на Болле. То есть круче его во всей Системе Росс-614 гэбэшника не было. И ждал я от этой встречи чего угодно, только не вопроса о курорте…

Пока я обдумывал ответ, прикидывая варианты так и эдак, Галя мечтательно закатила глаза и выдала:

– Ох, давно!.. Года три уже… А что?

– Да тут ситуация довольно деликатная… – замялся Сергей Семеныч, чего я за ним до сих пор не замечал. – Как бы помягче выразиться… Понимаете, Галина, ваше пребывание на Болле с каждым днем становится все более для нас обременительным. Не знаю, заметили ли вы, но до вас уже минимум трижды пытались добраться неизвестные личности. С целью похищения, как я предполагаю. И дважды вас пытались ликвидировать. Это не говоря о том, что майор Исаев тоже чудом остался жив – некие доброжелатели устроили поломку в его глайдере. Продолжать?

Притихшая Галя мотнула головой, сжав Петровича чуть ли не до хруста в ребрах, но тот стоически терпел – раз взялся утешать, так до конца.

Я понимающе хмыкнул, обменявшись с безопасником быстрым взглядом.

– Олег Игоревич?

– Да все ясно, назовем это временной полосой неудач. Хотя определение «гребаный пипец» к ситуации подходит больше.

– С этим трудно не согласиться. Но вы не переживайте, – переключил Сергей Семеныч внимание на хмурую Галю. – Как совершенно справедливо отметил господин Денисов, полоса временная. Отсюда вывод: вам крайне желательно на длительный срок исчезнуть из поля зрения наших друзей из «Внеземелья». Нечего им глаза мозолить и провоцировать на всякое. Понимаете, о чем я?

Девушка кивнула, машинально поглаживая встопорщившего шерсть Петровича. Тот как раз врубил на треть силы урчальник и норовил лизнуть ласкающую его руку. Напарник у меня что надо, понимает, когда нужно проявить инициативу. К тому же за эти месяцы мы Галину изучили достаточно хорошо, чтобы найти противоядия почти для всех многочисленных оттенков ее плохого настроения.

– И куда же вы нас хотите услать?

Предложение было не лишено смысла, но оказаться в какой-нибудь глухомани, да еще, не дай бог, на малопригодной для жизни планете, мне совсем не улыбалось. Мало ли что Сергей Семеныч понимает под словом «курорт». Может, его хлебом не корми, дай пожить в палатке на стрелковом по-

лигоне. Я, например, снег не люблю до зубовного скрежета, а многие без покатушек на лыжах существовать не могут – тоже курорт. Так что тут с какой стороны посмотреть…

– Надеюсь, Нереида вас устроит?

Мы с Галей, не сговариваясь, смерили безопасника озабоченными взглядами: неужто бредит?

– Не пугайтесь, я вовсе не спутник Нептуна имею в виду, – поспешил уточнить хозяин кабинета.

Галя от смущения порозовела, да и мне немного не по себе стало: профессиональная деформация зашла слишком далеко, нам и в голову не пришло, что Сергей Семеныч ведет речь о знаменитой на всю Федерацию курортной планете.

– Стесняюсь спросить, а как вы себе это представляете? – Я, признаться, удивился еще больше. Скорее поверю, что нас загонят на какую-нибудь захудалую научную станцию, чем в тропический рай. – Хотите, чтобы мы затерялись в толпе полуголых туристов? Или будем под местных косить?

– Все гораздо проще, – махнул рукой Сергей Семеныч, отвергая всяческие обвинения. Судя по выражению его лица, примерно такой реакции он и ожидал. – Мы вас прятать особо не будем, не от кого там. Кстати, а что вы знаете о проекте «Генезис-3000»?

Безопасник сделал драматическую паузу, но ответа не дождался и продолжил:

– На самом деле все просто – это секретный исследовательский комплекс, затерянный на островах Южного полу-

шария Нереиды. Обитают там биологи, генетики и прочий ученый люд. Проблематика соответствующая. Скажу лишь, что именно там ведутся работы с материалом, полученным на Находке и некоторых других планетах. Так что вам там самое место – никто не удивится, и вы пригодитесь. Олег с напарником будут работать по профилю: земли там малоизученные, островов десятки тысяч, а толковых карт до сих пор нет. Биологу тоже раздолье, надеюсь, Галина Юрьевна, вы легко вольетесь в коллектив. Мы со своей стороны окажем вам всяческую поддержку. Если решите продолжить написание диссертации, поможем в меру сил. Ну как?

– Сколько нам там торчать придется?

Галя все еще не очень хорошо соображала, пораженная вновь вскрывшимися обстоятельствами, так что переговоры я взял на себя.

– Минимум год.

– Это нормально, – согласился я, переглянувшись с Петровичем.

Если все обстоит так, как расписал безопасник, то лучшее убежище сложно представить. Нереида – крупнейший курортный мир, чуть ли не единственный на всю Федерацию, поток туристов за последнее десятилетие вырос неимоверно: за сезон, который на планете длится почти круглый год, через отели, виллы и прочие места для отдыха проходят десятки миллионов человек. Если предпримем хотя бы минимальные меры предосторожности, отследить нас будет слож-

но. А если коллеги из СБФ прикроют, так вообще не проблема – оторвемся от кого хочешь, и здравствуй, остров! Тропический, что характерно. Этот факт особенно грел мою ненавидящую холод душу.

– Мы согласны.

– Великолепно. Старт челнока через пятьдесят минут. Успеете собрать вещи?

Галя наконец ожила и метнулась к двери, уронив с колен Петровича. Кот одарил меня образом, который можно было легко расшифровать как «Денисов, дурак, чего ты с ней связался?», но я на провокацию не повелся. Тем более что некогда спор затевать на извечную тему, время поджимает.

Глава 1. Прибытие

Система тау Кита, планета Нереида, международный космопорт «Куинстон», 5 декабря 2537 года

– А здесь мило! – вынесла вердикт Галя, шагнув из тесноватого коридора в пассажирский терминал.

Безликая кишка со стандартно белыми стенами осталась за спиной, равно как и казенный донельзя стыковочный комплекс. Летели мы, надо сказать, не на роскошном лайнере, а на бычном курьере Службы Безопасности Федерации, куда нас по дружбе пристроил незабвенный Сергей Семеныч, и за прошедшие без малого две недели сугубо утилитарные интерьеры нам просто обрыдли, пардон за мой французский. Даже дубовый в этом отношении Петрович с нескрываемой радостью вымахнул из шлюза, поспешив убраться от челнока с максимально возможной скоростью, еле догнали стервеца.

Галя, как обычно, преувеличила. На мой взгляд, тут не так уж и мило – народу как людей, все куда-то спешат, толкаются, разве что не переругиваются матерно, да детей много. Кабы не эти два обстоятельства, можно было бы принять здешний космопорт за военную перевалочную базу. Нет, вру, царство стекла, белоснежных потолков с интегрированными панелями светильников и стен, усеянных многочисленной рекламой и не менее многочисленными мониторами (с рекла-

мой же), иллюзию убило мгновенно и качественно. А тут еще Петрович умудрился попасться под ноги какому-то потному толстяку с лысиной, и тот едва не ахнулся всей массой на моего питомца – хорошо я успел его придержать за локоток. Мужик ожег меня злобным взглядом, но пнуть рыжего вредителя не осмелился. Я же предпочел поскорее покинуть место инцидента – ну его на фиг, затопчут, и не заметят. Поправив не слишком объемистую сумку с багажом, я взял Галю под руку и целенаправленно попер к выходу, оборудованному рамкой сканера. Попутно порадовался, что удалось избежать мороки с таможней: сотрудники СБФ и лица, приравненные к ним, от сей хлопотной процедуры были избавлены.

Наша жалкая ручная кладь в виде двух сумок с необходимым минимумом (кое-что из одежды, мыльно-рыльные, КПК и коннектор с ППМ – по крайней мере, у меня, за Галю не поручусь) внимание местной охраны не привлекла, и мы спокойно выбрались в огромный зал ожидания. Здесь мне понравилось больше, с той точки зрения, что свободы маневра прибавилось, а количество народу на квадратный метр, наоборот, уменьшилось. К тому же взгляд почти сразу же наткнулся на смутно знакомую фигуру, скромно притулившуюся у одной из колонн в вестибюле. Помнится, с похожей сцены не так давно начались известные события, завершившиеся плачевным образом. Ненавижу дежавю. Ладно, спишем на совпадение, так хотя бы жить проще.

– Кажется, я начинаю понимать, что за сюрприз нам обе-

щал Семеныч, – хмыкнул я, кивком указав Гале на подпиравшего колонну мужика.

– Ой, а что он тут делает?! – Иногда коллега-подруга ставит меня в тупик своей непосредственностью. Тут не сразу сообразишь, что ответить. – Как я рада его видеть! Пойдем скорее!

Непоседливый Петрович уже терся о штанину высокой принимающей стороны, оставляя на ней клочья рыжей шерсти. Мой питомец хоть и генно-модифицированный мутант, как я его периодически обзываю, но, как и любой нормальный кот, линяет с завидным постоянством. Правда, утерянные шерстинки в отрыве от тела владельца сильно теряют в мягкости и шелковистости, так что из собственной кровати я его всегда выпроваживаю. И это моя принципиальная позиция, на сем стоял и стоять буду. Хуже только на стекловате спать.

– Викентий! Сколько лет, сколько зим! – Я пожал протянутую ладонь, памятуя о неприспособленности той к высоким нагрузкам, а Галя обрадованно чмокнула расплывшегося в улыбке коллегу в щеку. – Ты как тут оказался?

– История эта долгая и не лишенная притом некоторой драматичности! – закатил глаза Викентий и поспешил сменить тему: – Давайте по дороге расскажу. Вы не устали? Может, перекусить хотите, или еще чего?

– Вроде нет, – пожал я плечами. – Галь?

– Мне нужно в магазин.

Ну вот. А я так надеялся, что шопинга удастся избежать. Столько времени потратил на уговоры… Петрович мстительно мяукнул – мол, я же говорил! – и принялся ластиться к Галиной ноге. Девушка хоть и была в босоножках и сверхминиатюрных шортиках, и испортить одежду не боялась, но машинально наградила кота легким пенделем – вовремя не отгонишь, потом чесаться замучаешься. Я мстительно представил рыжего пакостника, сидящего у пустой миски с разочарованным выражением морды, потом белоснежного котенка с большими грустными глазами, но Петрович совету не внял – обиделся на первую часть послания. Собственно, его проблемы.

– Галь, может, позже?..

– Когда позже?! В чем я ходить буду?! В этом, что ли?! – Галя пренебрежительно ткнула пальцем в легкомысленный топик, туго обтягивающий грудь. – Я же совсем голая, ни-чего нет!!! Спасибо твоему ненаглядному Сергею Семенычу! И потом, на себя посмотри!

Я опустил взгляд на носки кроссовок, выглядывающие из-под штанин туристических брюк, поскреб живот, скрытый легкой футболкой (нормально все), и непонимающе уставился на подругу.

– Ну ты же обещал… – сменила тактику девушка, неосознанно воспользовавшись приемом, от которого неосмотрительно отказался Петрович. – Ну, Олежек, мы недолго…

Я обреченно махнул рукой – что я, изверг, что ли? – и

повернулся к Викентию:

– У тебя транспорт есть?

– А как же! – ухмыльнулся тот. – И я знаю, где сейчас распродажи!

Судя по хитрой ухмылке, Викентий моей быстрой капитуляции ничуть не удивился.

– Веди, чего уж…

– Я тебя люблю! – Галя одарила меня многообещающим взглядом и благодарно чмокнула в губы. – Петрович, иди сюда, кис-кис!

– Я тебя тоже, – невесело пробормотал я ей в спину.

Хочешь не хочешь, а желание женщины – закон. По крайней мере, они так думают. И в некоторых ситуациях лучше сделать вид, что и ты в это веришь. Некстати вспомнился преподаватель тактики из академии, который любил повторять: «Проигрывая в малом, выигрываешь в большом», приписывая фразу какому-то древнему азиатскому полководцу. Но я в те годы был склонен думать, что он сам ее придумал.

Викентий этаким шустрым колобком семенил рядом с моей ненаглядной, успев уже ненавязчиво избавить ее от сумки. Галя при этом смерила меня презрительным взглядом – мол, учись, как себя с дамой вести надо! Угу, наш коллега-живчик тот еще жучара, на Находке убедился. Она тоже хороша, кстати. Сама отказалась от помощи не далее как десять минут назад, когда мы из каюты выходили. Петрович, бывший свидетелем данной сцены, сочувственно муркнул и

бросился догонять весело щебечущую парочку.

До глайдера веселой бело-голубой расцветки добрались без происшествий – машина ждала нас на обширной стоянке у здания космовокзала, не выделяясь из длинного ряда таких же аппаратов. Викентий ткнул сенсор на брелоке, глайдер отозвался жизнерадостным пиликаньем и откинул дверцы вверх, как будто жук надкрылки растопырил. Модель при ближайшем рассмотрении оказалась двухместной, что радости мне не добавило. Хорошо хоть за сиденьями был объемный багажный отсек, куда мы с Петровичем и влезли, с минимальными удобствами устроившись на куче каких-то пакетов, разбавленных большими свертками. Повозившись минуту, я даже сумел изобразить из подручных материалов нечто вроде кресла. Петрович проявил свойственную ему смекалку и устроился у меня на коленях.

Пока я сдавленно матерился в багажнике, Викентий расписывал Гале прелести единения с природой, каковое нам вскоре будет обеспечено. С его слов выходило, что прекраснее острова Флоранс на этой планете места нет, вот только с магазинами там напряженка. Конечно, всех сотрудников базы обеспечивают за государственный счет формой и спецодеждой, но если требуется что-то более изящное и красящее женщину, то лучший шопинг, несомненно, здесь, в Куинстоне. И он, Викентий, приложит все силы, чтобы дама осталась довольна. Означенная дама благосклонно кивала, не без изящества устраиваясь в пассажирском кресле.

– Викентий, а нас местные копы за задницы не возьмут? – поинтересовался я, когда коллега забрался на свое место и щелкнул пристежным ремнем.

Мы с Петровичем, понятно, такой роскоши были лишены, тогда как незабываемая манера вождения вышеупомянутого коллеги делала мой вопрос вполне уместным.

– А, не переживай! – отмахнулся Викентий. – Меня здесь все знают, так что все решаемо.

– Когда успел?!

– Я тут уже два месяца, а к серьезной работе все еще не допускают, – притворно вздохнул водила и врубил движки. Глайдер скачком набрал высоту, заложил крутой вираж и помчался в сторону центра города. – Заставляют всякой административной ерундой заниматься. Почитай, дважды в неделю в столицу наведываюсь, периодически со мной другие сотрудники летают, как раз по магазинам прошвырнуться. Сам понимаешь, в таких условиях быстро нужными связями обзаводишься. К тому же глайдер казенный, на такие местные полицейские сквозь пальцы смотрят – знают, что с нас толку как с козла молока.

– Ой, красота какая! – Галя уже вовсю крутила головой, успевая вполуха слушать Викентия. – Как высоко! Смотрите, а это что? Олег, видишь?

Я провел ладонью вдоль кошачьего хребта, сопроводив ласку образом, который можно было расшифровать фразой «другой нет, будем терпеть», Петрович понимающе фырк-

нул, но развивать тему не стал. Впрочем, посмотреть действительно было на что – все-таки Куинстон не рядовой город, а столица с населением в несколько миллионов человек. К тому же, как уверяли путеводители, «прекрасный образчик колониальной архитектуры позапрошлого века, жемчужина сектора». На привычные земные мегаполисы он действительно походил мало, привольно раскинувшись на десятки километров во все стороны. Тут и там строения причудливых форм, далеких от унылых высотных свечек, разбавлялись островками древесных крон, а улиц почти не было видно в густой растительности, хотя воздушный трафик был весьма напряженным: Викентий сосредоточенно орудовал джойстиком, лавируя в плотном потоке летательных аппаратов.

В глаза сразу же бросилась какая-то странность, и лишь пару минут спустя до меня дошло, что растительность тут отличается от земной, главным образом цветом листвы – с уклоном в фиолетовую часть спектра. Издали это было особенно заметно. Ничего удивительного, состав атмосферы тут немного иной плюс звезда другого класса. Ладно, как-нибудь привыкнем…

– Далеко еще? – хмуро поинтересовался я, чуть не врезавшись головой в крышу после очередного лихого маневра.

– Минут пять, тут ограничение скорости, – с готовностью пояснил Викентий. – А вон там, Галенька, самая главная местная достопримечательность – монумент в память перво-

открывателей.

– Какой-то он уродливый, – покачала головой девушка, взглянув в указанном направлении. – Не похож на памятник.

– А это и не памятник, это старый исследовательский рейдер. Он в атмосфере обгорел, поэтому черный. А вон там комплекс поющих фонтанов, только отсюда не видно…

Мне на красоты любоваться быстро надоело, и я принялся вспоминать относительно недавние события, проанализировать которые до этого момента как-то не удосужился. А подумать было над чем. Например, мнемосканер нас с Галей не взял. То есть совсем не смог прочитать, даже кратковременную память о том, что было час назад. Медики долго удивлялись, просветили нас во всех возможных диапазонах, но ничего не нашли. Еще одним потрясением для меня стал тот факт, что никто не обратил внимания на «татуировки» – кодированные информационные блоки, которыми нас наградил искин базы Первых. Я сильно подозревал, что именно в этой структуре прятался таинственный «внутренний голос», который периодически оживал при виде технологий исчезнувшей цивилизации. Программа, мать ее! Совсем нерадостно жить, осознавая, что на плече у тебя бомба замедленного действия. Искин тот еще весельчак, это я еще на базе понял. Заострять внимание медиков на фиолетовом «ожоге» я не стал: не заметили – их проблемы. Скорее всего, до таких технологий мы просто не доросли, и «мозг» медицинского кибера принял код Программы за обычную… та-

туировку. С виду не отличишь, разве что узор слишком уж абстрактный. Галя тоже догадалась про татушку молчать, в общем, с темы мы благополучно съехали. В остальном у нас никаких отклонений и патологий не обнаружилось, а посему нас оставили в покое, вернее, передали в пользование безопасникам. Те плотно взяли нас в оборот, заставив вспомнить мельчайшие подробности пребывания на Находке, что мы благополучно и проделали, умолчав о приключении на базе. Заранее сочиненная версия с потерей сознания прокатила: я еще в полете убедил Галю придерживаться именно ее как наименее проблемной. Учитывая, что мнемосканирование провалилось, безопасники нашим рассказом удовлетворились.

С уголовным делом у Линдеманна ничего не вышло: военный трибунал сначала признал случай подпадающим под свою компетенцию, оставив «Внеземелье» с носом, а потом и вовсе оправдал меня ввиду отсутствия доказательств. Свидетельские показания сотрудников СБ компании судьи справедливо признали не заслуживающими доверия, к тому же Исаев выполнил обещание и где-то достал записи с камер наблюдения. Тут уже пришел черед эсбэшников вертеться как угорь на сковороде, и они поспешили замять процесс. В результате и с этой стороны мы оказались в безопасности. А чем это закончилось, вы уже знаете: нас перевели на Нереиду – с глаз долой, из сердца вон. Будем надеяться, что здесь нас люди из «Внеземелья» не достанут.

– Приехали! – объявил Викентий, бросив глайдер в пике.

Я еле успел вцепиться в спинку Галиного кресла, с трудом сдержав крепкое словцо, Петрович же молчать не стал и обиженным воем дал понять горе-водиле, что он о нем думает. Галя взвизгнула, но, как мне показалось, восторженно. Викентий филигранно выровнял машину почти у самой земли и без малейшего толчка притер ее между двумя колесными карами – насколько я знал, такой транспорт тут был распространен. Единственный континент планеты славился трассами для ралли-рейдов, гонки по бездорожью были неплохим развлечением и привлекали немало любителей экстрима. А посему припаркованные там и сям джипы всех возможных типов и колеров ни у кого вокруг удивления не вызывали.

– Пойдемте, друзья, я покажу вам рай шопоголика! – Викентий резво выбрался из салона, обежал глайдер и подал Гале руку.

Я за это время успел согнать с колен Петровича и выкарабкаться на свет божий. Пока коллега запирал дверцы, я окинул взглядом парковку и не увидел ничего необычного. Разве что… Нет, показалось. Приземлившийся за несколько рядов от нас глайдер был смутно знакомым, но и только. Таких в небе над столицей тысячи. Не мог он за нами лететь. Наверное, я его мельком видел, когда он из параллельного потока вынырнул.

Верный Петрович требовательно мяукнул, мол, хорош уже ворон ловить, и я бросился вдогонку за Галей с Викен-

тием. Те успели скрыться в гостеприимно распахнутых дверях торгового центра, так что пришлось поторопиться.

Система тау Кита, планета Нереида, Куинстон, 5 декабря 2537 года

Торговый комплекс оказался неожиданно роскошным, хоть и с претензией на скромность. По крайней мере, кричащей рекламы на всех свободных поверхностях, а то и без оных – в виде объемных голограмм – здесь было куда меньше, чем в его земных аналогах. В городах Большой Пятерки испокон века считали, что чем назойливее расхваливают свой товар торговцы, тем круче, а потому атмосфера перманентного дурдома в подобных заведениях не исчезала годами. Но всех переплюнули рекламщики из Нью-Вегаса, Вашингтона и им подобных свободных экономических зон – там считалось в порядке вещей использование двадцать пятого кадра, гипноза и прочих достижений НЛП, лишь бы облегчить карманы клиента любым (в том числе и не очень законным) способом. Но эти самые клиенты знали, на что шли, потому жалоб в международный суд почти не поступало. А если желающие и были, их быстро успокаивали ребята из местных группировок торговой, игорной, нарко- и прочих мафий соответственно индивидуальным вкусам пострадавшего.

После удушающей жары парковки холл показался раем, и я даже замедлил шаг, наслаждаясь относительным покоем

и прохладой, пока Петрович не боднул меня в ногу, напоминая и о цели визита, и о том, что я тут не один. Неплохо было бы проконтролировать торгашеские порывы Галины свет-Юрьевны, она в приступе неуемного расточительства имела обыкновение затовариваться чертовски дорогими и при этом абсолютно непрактичными шмотками, о чем уже на следующий день жалела. Знаем, проходили. Выслушивать нытье не хотелось, поэтому я пошарил взглядом по холлу и выделил в редком потоке покупателей знакомые фигуры, чему в немалой степени способствовала рыжая шевелюра девушки. Плюс моя ненаглядная на фоне местных загорелых красоток выделялась не хуже белой вороны в стае грачей. Нереидский загар, которым Галя еще не успела обзавестись, просто роскошный: в ласковых лучах местного светила кожа приобретает ни на что не похожий оттенок – смотришь издали, отдает фиолетом, но вблизи ровный и глубокий смуглый цвет. Не удивлюсь, если всю дорогу до базы она будет сокрушаться по этому поводу и строить планы насчет пляжа.

Викентий целенаправленно вел Галю в дальний конец холла, скрытый в полумраке. Я про себя хмыкнул, удивленный эффектом – вроде купол прозрачный, а ближе к стенам свет чудесным образом рассеивается, уступая причудливым теням со странным фиолетовым же отливом. Петрович моих восторгов не разделял, поэтому оторвался шагов на десять (моих, естественно, а не кошачьих) и периодически обора-

чивался, подгоняя меня недовольными мыслеобразами. Я в ответ в подробностях представил, как отовариваю могучим пинком рыжую зверюгу, увивавшуюся у буфета с упаковками вяленого кальмара. Кот напрочь разобиделся, фыркнул особенно презрительно и умчался плакаться мамочке в жилетку.

Убедившись, что Викентий благополучно протащил Галю мимо десятка кричащих вывесок бутиков и парочка скрылась в дверях огромного магазина «Турист-мастер», я облегченно выдохнул и послал девушке вызов. Браслет инфора ожил, сформировав на виртуальном дисплее недовольное лицо:

– Чего тебе?

– Извините, Галина Юрьевна, что отвлекаю…

– Дурак!!!

– Ладно, любимая, не дуйся. Я тут осмотрюсь немного, потом к вам присоединюсь. Скучать будешь?

– Обязательно! – хмыкнула Галя и прервала связь.

Ну вот и ладненько. Минимум минут сорок у меня есть, а то и весь час. За время вынужденной отсидки на Болле мы пару раз выбирались в город прошвырнуться по магазинам, и этого хватило, чтобы выработать беспроигрышный алгоритм: Галя зависает в облюбованном заведении, я тихо-мирно гуляю полчаса-час, потом возвращаюсь и оцениваю приобретения ненаглядной с эстетической точки зрения. Этот процесс занимает еще не менее часа, в результате девяно-

сто процентов шмотья забраковывается, и мы, счастливые и довольные, переходим в следующий магазин. После первого шестичасового марафона очередной трехчасовой забег мне показался просто мелочью, и я решил дальнейшее совершенствование совместного шопинга отложить на потом – от добра добра не ищут.

В «Турист-мастер» я и сам загляну, но чуть позже и с более приземленными целями, нежели фэшн-шоу в исполнении любимой девушки: магазин хороший, футболки-шорты-кепки и прочие пляжные полотенца как раз в нем покупать лучше всего, дешево и сердито. На данный же момент мое внимание привлек небольшой павильон с многообещающей вывеской «Охота и рыбалка». В ожиданиях я не обманулся, обнаружив внутри богатую коллекцию разнообразного снаряжения, начиная с удочек-телескопичек и заканчивая надувными лодками, местными вариантами подсадных уток (надо сказать, мало отличающимися от земных) и парой десятков охотничьих ружей на дальней стене. Хозяйничала тут девушка хрупкого сложения, брюнетистая, с двумя задорно торчащими косичками, этакая ходячая реклама стиля «милитари» в одежде.

– Чем могу помочь, мсье? – с неповторимым франко-канадским прононсом спросила она, завидев меня в дверях.

Во французском я не силен, поэтому выпендриваться не стал и ответил на интере:

– Мсье всего лишь любопытствует. Впрочем, свою долю

удовольствия он уже получил, – усмехнулся я, пройдясь оценивающим взглядом по фигуре собеседницы.

– В таком случае вы просто обязаны доставить ответное удовольствие бедной девушке, вынужденной прозябать в магазине, пока папа в отъезде! – вернула она улыбку. – Папа будет недоволен, если я вам что-нибудь не продам. А когда папа недоволен, он не берет меня на стрельбище и вообще всячески третирует, заставляет готовить завтрак и заниматься другими женскими делами. Правда, он говорит, что хочет меня видеть примерной девочкой. Издевается, наверное.

Я не удержался и рассмеялся: уж больно у нее жалобно вышло, особенно с этим «папа» с ударением на последнем слоге. И мордочку сделала умильную, даже Петрович так не умеет. Хотя раньше я думал, что его никто в этом деле не переплюнет, особенно когда он кальмара клянчит. Опытным взглядом выделив ценники, я пришел к выводу, что отказывать красивой девушке в такой малости с моей стороны будет свинством.

– Что ж…

– Жанна.

– …Жанна, посоветуйте мне что-нибудь этакое на память о вашем прекрасном мире и его не менее прекрасной обитательнице!

– Мсье предпочитает…

– Охоту. Но и против рыбалки мсье ничего не имеет.

– Если вы хотите действительно эксклюзивную вещь, то

вам сюда! – Девушка грациозно повернулась ко мне спиной и направилась к стене с оружием.

Я машинально скосил глаза на подтянутую попу и поймал себя на мысли, что с удовольствием бы за этой Жанной приударил. Потом вспомнил про Галю, представил сидящего у моих ног Петровича, буравящего меня взглядом в стиле «он смотрит на тебя как на… ага, оно самое», и со вздохом проследовал за продавщицей. Следующие двадцать минут прошли в увлекательнейшей беседе на тему «ружья охотничьи, штучные»: мы обсудили качество стволов, полюбовались деревом лож (как сказала Жанна, местный аналог ореха), сравнили цены на нескольких планетах и в сетевых магазинах. В конце концов я остановился на легком самозарядном карабине-мелкашке и стильной двустволке-вертикалке двенадцатого калибра. Подкупило качество изготовления (малая серия, станочная обработка – это вам не ширпотреб из репликатора) и более чем демократичная цена. За обе единицы я заплатил меньше, чем за один валовый штуцер земного производства. Швейцарский, правда, но тем не менее. Мой банковский счет потери почти не заметил, и мы с очаровательной хозяйкой магазина расстались лучшими друзьями. Напоследок она даже сделала скидку на патроны, которые я прикупил здесь же. Как оказалось, в городе свободное ношение оружия ограничено, но моего идентификатора, скормленного кассовому аппарату, хватило, чтобы получить «добро» от местных правоохранителей на перевозку поку-

пок в неопломбированном виде. Жанна только упаковала их в фирменный баул, прочный и удобный. Если не знать, что внутри, сразу и не поймешь: двустволка в разобранном виде была даже короче карабина, а тот габаритами не поражал.

Навьючив поклажу, я покинул гостеприимный магазин и направился в сторону знакомой вывески характерной красно-синей цветовой гаммы, но опять не дошел – отвлекся на крупную надпись OUTLANDER, украшавшую ближайшую витрину. Пересилить себя я не сумел и заглянул на огонек, пристроив баул в камеру хранения. К данной марке одежды я питал слабость – грешен, но из цивильных производителей на мой вкус ничего лучше не было. Оказавшись в обширном демонстрационном зале, я почти затерялся между длинными стойками, увешанными образцами для примерки. По правде говоря, в наш век высоких технологий уже давно никто не шил одежду вручную, если, конечно, речь не шла об эксклюзивных коллекциях ведущих модельеров. Но это скорее у Гали надо спрашивать, меня устраивали и реплики, синтезированные в магазине по готовым матрицам. Собственно, и в демонстрационных образцах особой нужды не было: зашел в примерочную, тебя просветили сканером, выбрал нужную модель – и готово. Другое дело, если клиенту вещь не нравилась, тогда ее приходилось отправлять в переработку. Поэтому подобный способ практиковался лишь в самых дешевых торговых точках, особо красотой не заморачивавшихся. В магазинах же классом чуть выше предпочитали содержать

залы с образцами, которые любой желающий мог примерить. Плюс в этом случае возникала атмосфера именно шопинга, что очень ценили многие посетители, особенно женского пола. Согласитесь, это отдельное удовольствие, в котором я себе не отказал и вдумчиво прошелся по рядам, накидав целую тележку шмоток. Тем более время терпит, если Галя возжаждет меня увидеть, то позвонит. Тормознув у стеллажа с обувью, я подхватил приглянувшиеся кеды и направился к примерочной. Сунулся было в одну из кабинок, но столкнулся с суетливым типом неприятной наружности. Тот неуклюже дернулся, задев меня плечом, и рассыпался в извинениях:

– Простите, сэр, я случайно!..

При ближайшем рассмотрении тип оказался мужиком далеко за тридцать, черноволосым и неприметным, в синем комбезе-спецовке без опознавательных знаков. Что странно, поскольку такую одежку обычно носят служащие всяческих обслуживающих предприятий типа экстренной доставки или какие-нибудь наладчики.

– Ничего страшного, – отмахнулся я.

Мужик как мужик, чего я на него взъелся? Тут таких каждый второй.

– Еще раз извините, сэр! – Незнакомец деликатно похлопал меня по плечу и широко и приветливо улыбнулся. – Приезжайте к нам в кемпинг, не пожалеете!

– Всенепременно! – заверил я, даже не попытавшись уточнить координаты этого самого кемпинга – один хрен, не по-

еду. Да и мужик вряд ли всерьез рассчитывал на это, простая вежливость, как ее европейцы понимают. – Всего хорошего.

Бросив тележку у кабинки, я сгрузил примерно половину добычи на табурет, отгородился от зала шторой и взялся за футболку. Но, едва натянув ее на голову, застыл в раскоряченной позе – внезапно проснулся давненько не дававший о себе знать «внутренний искин»: «Обнаружен нейрокластер. Совпадение структуры со стандартным эмпатическим сенсором семьдесят шесть процентов».

– Чего? – от неожиданности осведомился я вслух. – Какой еще эмпатический сенсор?

«Стандартный. Функция: считывание звуковых колебаний и преобразование в ментальный сигнал».

– «Жучок», что ли?!

«Ответ положительный».

От ни фига себе! Откуда он взялся? И где, что важнее?

«Локализация: левое плечо предмета одежды».

Твою мать! Меня же мужик там лапал! Я торопливо содрал футболку и уставился на рукав, но невооруженным взглядом поначалу ничего необычного рассмотреть не удалось. Потом в глазах задвоилось, зрение на мгновение расфокусировалось, и на ткани проступила слабо светящаяся сетка с ячейкой примерно в полсантиметра. Ого, что-то новенькое! Раньше «внутренний искин» с моими органами чувств не экспериментировал. Даже не знаю, радоваться или наоборот… Впрочем, о чем это я?! На меня только что «жуч-

ка» подсадили!

Второпях натянув футболку – не с голым же торсом по магазину рассекать! – я выскочил из примерочной и сразу же обнаружил знакомую фигуру. Мужик уверенно шел к выходу, не оглядываясь и не таясь.

– Эй, сэр, как тебя там!!! Подожди, я про кемпинг хотел…

Какой там! Заметив меня, псевдоналадчик резко сменил направление и рванул к дальней стене, на которой я заметил несколько дверей с характерными табличками. Ага, раз туда бежит, наверняка знает, где черный ход. Блин, а упускать-то его не хочется… И я припустил с максимально возможной скоростью, лавируя между вешалками и перепрыгивая столы с наваленными кучей шмотками. В результате расстояние между нами резко сократилось, тем более что я несся практически наперерез. Мужик же, по всему судя, в обстановке не разобрался и нырнул в мужской туалет, захлопнув дверь у меня перед носом. Это меня надолго не задержало, и я оказался внутри лишь парой секунд позже, беглец даже еще не успел осознать, что сам себя загнал в угол.

– Сэр, что же вы убегаете? Я всего лишь хотел про кемпинг…

Бац! Псевдоналадчик не стал слушать и ловко врезал мне хуком с левой, выдав шапочное знакомство с благородным искусством бокса. Получилось не очень – я на рефлексе закрылся блоком, ответил стандартной «двоечкой», достигшей цели, хоть мужик и успел отшагнуть после своего удара,

и запустил вдогонку фронт-кик. Носок кроссовка врезался ему чуть ниже солнечного сплетения, он согнулся, но не упал – отлетел к стене и прилип к пластиковой панели, тщетно хватая ртом воздух.

– Совсем охренел?! – возмутился я, морщась от боли в ухе: кулак оппонента соскользнул с блока и по касательной проехался по мочке. Все-таки защищаться подставками без перчаток далеко не лучшая идея. – Ты кто такой и зачем мне «жучка» подвесил?!

Вместо ответа мужик резко разогнулся и бросился на меня, загребая воздух руками – этакий проход в ноги в корявом исполнении дилетанта. Я, понятное дело, тормозить не стал: отскочил на полшага и достал его коленом в лицо. Громко и противно хрустнуло, незадачливый «шпиён» распластался по полу, а я благоразумно разорвал дистанцию, отступив к писсуарам. Ну его на фиг, слишком резвый, в следующий раз могу и не успеть.

А каков нахал! Не постеснялся среди бела дня, в людном месте заваруху устроить! Хотя стоп. Насчет людного я преувеличил: мало того что цены здесь выше среднего, магазин все же брендовый, а потому от наплыва покупателей не страдал, так еще и среди вешалок со шмотками особо не запалишься, хоть в самом зале дерись. Странно только, что охрана до сих пор не нагрянула. Если сейчас вломятся в сортир, охренею отмазываться. А с мужиком-то что? Не шевелится, и под головой кровавое пятно, с каждым мгновением раз-

растающееся. Неужто я его наглухо завалил? Да ну на фиг!.. Судебные мытарства еще были свежи в памяти, а потому я потерял осторожность и склонился над поверженным противником.

– Эй, мужик! Ты в порядке?

Я попытался перевернуть пострадавшего, посмотреть, насколько сильно ему досталось, но, к моему удивлению, тело не просто оказало сопротивление, но еще и активно поучаствовало в процессе! Псевдоналадчик все это время вероломно притворялся и сейчас воспользовался случаем: распахнул глаза с расширенными, как у наркомана, зрачками и попытался врезать мне кулаком в низ живота. Я, хоть и с трудом, заблокировал подлый удар, но пропустил другой – хлест открытой ладонью по лицу. Это даже хуже полноценной оплеухи: кончики пальцев мазнули по щеке, захватили глаз и в конце еще пробороздили переносицу – тыльной стороной, твердыми ногтями. Я отшатнулся, получил локтем в ребра и отлетел к стене, успев, на свое счастье, сгруппироваться и прикрыть голову. По опыту знаю, если попал в такое положение, не дай себя оглушить, разорви дистанцию любым способом и скорее поднимайся на ноги. Иначе затопчут. В данный конкретный момент действовать по озвученному алгоритму мне мешала стена, в которую я уперся спиной, плюс ручьем льющиеся слезы – неконтролируемая реакция организма. Посему я сжался в комок, приготовившись принимать удары на все открытые части тела, но побоев так и не

последовало – секунды текли, а оппонент все медлил. Наконец грохот входной двери известил, что можно расслабиться – мужик малодушно сбежал. А может, и не малодушно: у него, наверное, приказа не было меня убить, и если бы я его не вынудил, хрен бы напал. Сам виноват, короче.

Кое-как разогнувшись и чуть не сшибив затылком раковину, я поднялся на ноги и осмотрелся. Так и есть, смылся. Догонять бесполезно, да и не безопасно. О мужике напоминала только лужа крови на кафеле, похоже, я ему нос сломал – вон сколько натекло, как из поросенка. Выносливый, гад! Быстро очухался, да еще и меня подловил. Я прислушался к организму, но организм чувствовал себя на удивление прилично: легкая боль в боку, простой ушиб, не более, саднящие ухо и щека, слезящиеся глаза… Вот только голова подозрительно тяжелая…

«Внешнее воздействие. Нейролептический порошок, угнетает деятельность мозга. Вводится через дыхательные пути. Совпадение с базовым образцом – шестьдесят три процента. При неоказании помощи возможна смерть. Статус процесса нейтрализации: активен».

Офигеть! Искин теперь что, и от ядов меня защищать будет?

«Ответ положительный. Альфа-разумный исключительно ценная особь для выполнения Программы».

Ну спасибо. Хотя факт отрадный. Впрочем, это еще не значит, что мне можно без последствий жрать всякую га-

дость и плевать на газы и прочие неприятности.

«Ответ положительный».

Стоять. Это что же, опять из штучек Первых? Как и «жучок»? Очевидно же, что он этот порошок мне в рожу кинул, просто еще и попал удачно, я и не заподозрил ничего, списал все неприятности на удар. Откуда это все у мужика? И я, как курсант-первогодок, нарвался на провокацию и его упустил. Нет, не может быть. Одиночка такое не потянет. Наверняка тут старые знакомые замешаны. Значит, у них уже есть технологии Первых? Зачем тогда им мы с Галей? Блин, надо завязывать с гипотезами, особенно безумными. Тут, если дать волю воображению, и до всемирного заговора додуматься можно. На фиг, на фиг… Черт! И что теперь делать? М-мать! «А если они на Галю нападут?» – пронзила отчаянная мысль, но я тут же себя одернул: инфор не подавал признаков жизни, то есть вызовов не было. Ткнув в сенсор, с замиранием сердца переждал гудки и облегченно выдохнул, когда на развернувшемся виртуальном дисплее возникло сердитое лицо.

– Чего тебе? Я тут как раз купальник примеряю…

На душе стало легче. Я выдал ту слащавую улыбку, которой постоянно доставал ненаглядную – очень уж она ее раздражала – и хмыкнул:

– А чего меня не позвала? Я тоже хочу в процессе поучаствовать.

– Обойдешься! – отрезала девушка. – У тебя еще полчаса,

раньше можешь не появляться.

Дисплей свернулся в точку – вызов прервали с той стороны. Ох, блин!.. Так и поседеть можно. Полчаса я не выдержу, изведусь. Ладно, прямо сейчас в «Турист-мастер» попрусь, там пока пошатаюсь.

Впрочем, мимолетный взгляд в зеркало убедил меня, что незамедлительно приступить к выполнению плана не получится – псевдоналадчик меня все же здорово потрепал. Пусть и всего лишь в плане одежды – с лицом все было в относительном порядке, если не считать покрасневших глаз, даже прическа не растрепалась (ага, короткий ежик, что ему будет). А вот футболка со штанам пребывали в плачевном состоянии: ворот разорван, на правом колене подозрительное бурое пятно, причем такого размера, что сразу в глаза бросается. Пришлось скрепя сердце украдкой возвращаться в примерочную, старательно лавируя между вешалок, чтобы не пересечься с немногочисленным покупателям. Еще на всякий случай кое-как затер кровавое пятно на полу, пожертвовав многострадальной майкой. В облюбованной кабинке я задержался минут на десять, зато выбрался из нее счастливым обладателем нескольких пар брюк, четырех футболок и банданы с абстрактным рокерским рисунком, неплохо гармонирующей с новыми тактическими штанами и легкой рубахой в мелкую клеточку. Получилось даже с некоторой претензией на стиль – этакий уверенный в себе турист. Белые кроссовки я заменил более приличествующими слу-

чаю полуботинками из «дышащей» ткани. Мне бы сейчас еще бороду с усами, очень колоритный персонаж вышел бы. Испорченную одежду я скормил ближайшему утилизатору, так что про улики можно забыть, как про страшный сон.

На выходе ко мне прицепилась миниатюрная девушка-консультант, но с ней я цапаться не стал – она всего лишь снабдила меня фирменными пакетами. Чуть было не проскочил мимо камер хранения, но вспомнил о недавних приобретениях и забрал баул с ружьями. В остальном до «Турист-мастера» я добрался без приключений, навьюченный уже приличным количеством шмоток. Здесь ритуал повторился с точностью до наоборот: поход к индивидуальным ячейкам, избавление от вещей, марш-бросок по демонстрационному залу. Галю не искал, памятуя о назначенном ею времени встречи, зато набрел на Викентия, который с сосредоточенным видом торчал у ближайшего терминала и скармливал репликатору заказы, то и дело сверяясь с длиннющим списком в наладоннике.

– А наша Галенька весьма увлекающаяся особа! – заметил он, когда я с удовлетворенным видом присел на пуфик рядом. – Даже я уже почти все закупил, а у меня номенклатура сам видишь какая!

– Угу, – хмыкнул я. – Есть немного. Но она далеко не самый худший вариант.

– Истину глаголете, батенька! – рассмеялся Викентий. – Знавал я одну барышню, которая в магазин заходила в де-

вять утра, а выходила в девять вечера. И так каждый день. Все выходные и праздники, даже отпуск не жалела. Как она при этом еще и в солярий ходить успевала, лично для меня загадка.

– А!.. – Я раздраженно махнул рукой, давая понять коллеге, что тема для меня достаточно болезненна. – У вас тут ничего подозрительного не случалось? Ограбление, нападение террористов, газовая атака?

Викентий напрягся, но тут же расплылся в ухмылке:

– Шутишь?! Да тут болото полнейшее, даже драки в барах проходят по строго заведенному сценарию: пара ударов, потом совместное распитие спиртного. А копы и вовсе как с луны свалились – вежливые и терпеливые. И безоружные – ничего, кроме парализаторов, я у них не видел.

Н-да… Буду я, пожалуй, про сегодняшнее маленькое приключение молчать. Все равно не поверят, да еще на смех поднимут.

– Дени-и-исо-о-ов!!! – донеслось откуда-то слева, и я поспешил предстать пред светлы очи ненаглядной.

Фэшн-шоу – самый приятный этап шопинга, и лишаться этого зрелища я не собирался. Впрочем, Викентию тоже мешать не стал – пусть обзавидуется.

Система тау Кита, планета Нереида, 5 декабря 2537 года

В торговом центре мы проторчали еще час с небольшим, за это время совершив два похода к глайдеру – скинуть по-

купки. В результате багажник оказался набит под завязку, да и в закутке в салоне места осталось только-только нам с Петровичем притулиться, и то приходилось поддерживать объемный баул с Галиными вещами, чтобы он мне по голове не стучал. «Внутренний искин» больше голоса не подавал, хотя я добросовестно прощупал все закупленные ненаглядной шмотки, впрочем, как и ее саму, когда процесс примерки благополучно завершился. Из чего я сделал вывод, что к ней «наножучка» никто не подсадил, что радовало.

Викентий, сверившись с каким-то графиком, жизнерадостно сообщил, что у нас еще есть небольшой запас времени, и предложил пролететь над городом – чисто посмотреть. Честно говоря, особого желания у меня не было. Город как город, для захолустной планеты весьма характерный: много зелени, широкие улицы, небоскребы – смешно сказать, ни одного больше тридцати этажей. Зато относительно тихо и спокойно плюс условия для жизни гораздо выше среднего. Туристический рай, одним словом. Но, надо отдать ей должное, за свою полуторавековую историю колония на Нереиде обзавелась собственными легендами, памятниками архитектуры и прочими атрибутами, чтобы считаться перспективной в плане культурного времяпрепровождения. Не египетские пирамиды, конечно, но вполне себе нормальные достопримечательности.

Нужно сказать, что Нереида – одна из первых колоний человечества за пределами Солнечной системы, к тому же рас-

положена достаточно близко. Еще большую ценность планете придавали природные условия, максимально приближенные к земным субтропикам, вменяемая сила тяжести (на три процента меньше, чем у родины человечества), чуть более длинные сутки, но примерно на треть меньший год – в общем и целом очень приятное место для жизни. Да и нарекли ее так первопроходцы, пораженные красотой увиденных морей, о чем и намекнули, сравнив с дочерьми бога морских глубин Нерея. Почему она столь слабо освоена, лично для меня загадка. Но Викентий и в этом вопросе показал себя чуть ли не экспертом, стоило мне только его озвучить. С его слов выходило, что главная проблема этого мира – отдаленность от основных трасс, связывающих Внутренние Системы. Нереида как перевалочный пункт не котировалась абсолютно, транзитный транспорт предпочитал иные маршруты, поудобнее, и оказалось, что дешевле и проще освоить отдаленные, но при этом перспективные миры. Сыграли роль и скудные недра: на единственном более-менее похожем на материк клочке суши особо богатых месторождений полезных ископаемых не обнаружили, значительно удаленный от звезды астероидный пояс тоже не отличался разнообразием и высоким содержанием руд, а потому развивать здесь добывающую промышленность не стали. Соответственно и крупных производств нет – размещать в отрыве от сырьевой базы современные гигантские заводы-репликаторы бессмысленно. Плюс затрудненная из-за наличия об-

ширного пылевого диска навигация. И райский климат не помог – жить на привозных товарах миллиардному населению сложно, как ни крути. Но все-таки Нереида нашла свою нишу: тропический и субтропический климат на девяноста процентах территорий и безумное количество живописнейших островов в теплом море превратили планету в идеальный курорт. И если во времена гиперпространственных полетов потратить год на дорогу в одну сторону желающих было мало, то с развитием прыжковых кораблей проблема исчезла сама собой. Дела пошли в гору, к тому же моря и океаны Нереиды оказались очень богаты различными растениями и живностью, что вызвало расцвет промыслового лова – на сегодняшний день она являлась крупнейшим экспортером морепродуктов, как свежих, так и консервированных. В общем, постоянное население в сто с небольшим миллионов и немногим меньшую толпу туристов планета могла успешно прокормить, еще и на продажу оставалось. К тому же во внутренних областях единственного континента (кто-то из первооткрывателей, неплохо знакомый с греческой мифологией, нарек его Астерией, что на интере звучало как Эстери) кое-где удалось организовать растениеводческие фермы, получавшие, с учетом современных технологий и более короткого года, по два урожая за сезон. Нереида расцвела, особенно в последние десятилетия, и уже долгое время занимала лидирующие позиции в туристическом бизнесе.

Вместе с тем реально было освоено и хорошо изучено

лишь Северное полушарие. Причина проста – здесь лежали материк и три десятка крупных островов вроде земной Гренландии или Мадагаскара. Они-то и служили основными туристическими центрами, здесь же было сосредоточено и большинство населения. Промысловики тоже не горели желанием ходить слишком далеко от крупных портов, благо пока с учетом рациональной организации лова ресурсов хватало. К тому же северные моря были лучше приспособлены для судоходства.

Южное же полушарие осталось неосвоенным и представляло собой хаотичную мешанину архипелагов, разбросанных по мелкому морю. Счет островкам здесь шел даже не на десятки, а сотни тысяч. Некоторые ученые (на этой фразе Викентий демонстративно поморщился – дескать, географы, что с них взять, то ли дело биологи!) высказывали предположение, что некогда здесь лежал обширный материк, который по каким-то причинам относительно недавно – несколько сот тысяч лет назад – погрузился под воду. Экзотики вроде милых атоллов и коралловых рифов карибского типа хватало и в Северном полушарии, поэтому владельцы увеселительных заведений сюда не стремились. Понять их легко – кому нужны лишние транспортные расходы? Так что эта часть планеты сохранилась в первозданном виде. Составить карты или хотя бы провести подробную аэрофотосъемку было некому, все, что имелось на данный момент, – спутниковые фотографии с более-менее внятной разбивкой на квадраты

с отмеченными на них относительно крупными островами. Все остальное пространство представляло собой терра инкогнита, то есть обширнейшее поле деятельности для нас с Петровичем. Вдвоем с таким объемом работы мы не справимся и за сто лет, но от нас этого и не требовалось: местные зоологи намеревались получить хотя бы минимальное представление об островной фауне, так что будем исследовать острова выборочно, по одним лишь ученым понятной системе.

Жить и работать ближайший год (это минимум) нам предстояло на острове Флоранс – райском уголке, расположенном очень удачно: в тропическом поясе, но на порядочном удалении от экватора. Поэтому с ежедневными ливнями и сумерками в девятнадцать ноль-ноль по местному времени (сутки здесь, как упоминалось, чуть длиннее стандартных) персоналу сталкиваться не приходилось. Викентий клятвенно нас заверил, что нам непременно понравится, и на том вводную лекцию завершил.

Между тем юркий глайдер унес нас довольно далеко от столицы, и по пути мне удалось полюбоваться теми самыми фермами – с высоты они больше всего походили на шахматные доски из-за чередующихся засеянных и паровых полей. Потом появились обширные огороженные участки с роскошными виллами – частные владения, как объяснил наш всезнающий гид, а затем мы добрались и до побережья – бесконечной полосы пляжей, застроенных кемпингами, бунгало,

мотелями и огромными белоснежными красавцами-отелями, напоминающими выброшенные на берег океанские лайнеры. Вся эта красота служила наглядным подтверждением крайне серьезного отношения к туризму: жилье и развлечения на любой вкус, даже самый капризный клиент мог отыскать нечто для себя подходящее.

Побережье Астерии скрылось за горизонтом, но мы ни разу не упускали сушу из вида – острова, островки, песчаные косы и просто рифы тянулись на сотни километров от берега. И если местные считают это море более-менее подходящим для навигации и лова, то что же тогда творится в Южном полушарии? Страшно представить. Хорошо, что у нас воздушный транспорт. С другой стороны, при этаком рельефе штормам разгуляться негде, цунами и торнадо должны отсутствовать как класс, не говоря уж о блуждающих волнах-убийцах. Все-таки райский уголок, что ни говори. И климат приятный: влажность хоть и высокая, но всегда дует свежий морской ветерок, так что даже в самое пекло можно себя чувствовать комфортно.

Примерно через час мы добрались до большого гористого острова, и Викентий начал потихоньку сбрасывать высоту, по широкой дуге обходя высившийся на северном побережье скальный массив.

– Остров Гуантанамо, – пояснил коллега, сосредоточенно орудуя джойстиком. – Здесь авиабаза федеральная, обслуживает все научные и военные объекты Южного полушария.

Местные власти к ней отношения не имеют, да оно и к лучшему.

– А название кто придумал?

– Да бог его знает… А что?

– Странный юмор у человека, – хмыкнул я, но развивать тему не стал. – А на фига нам авиабаза?

– Как на фига? – удивился Викентий. – Ты что, думал, что до Флоранс на глайдере полетим? Это ж еще пять тыщ кэмэ, к ночи в лучшем случае доберемся. Мы сейчас на катер пересядем рейсовый, как раз успеваем. Даже ждать не придется.

– Ой, а мы вещи перегрузить успеем? – забеспокоилась Галя.

– Успеем, мне местные ребята обычно помогают. За толику малую, – хитро прищурился коллега. – Они ж военные, их особо с базы не отпускают. Вот я и им заодно кое-что привожу.

Вот гусь, и тут устроился! Молодец Викентий, надо с ним дружбу и дальше водить, не помешают его связи. Работа работой, но и о развлечениях заранее нужно побеспокоиться.

За горами открылась равнинная часть острова – аккуратно расчищенная, с нашлепками стартовых площадок, кучками зданий и заборами из колючей проволоки. В нескольких местах я заметил автоматические установки ПВО, чуть дальше, у пальмовой рощицы ярко выраженного фиолетового оттенка – по крайней мере, издали, – высилось что-то, напо-

минающее ангары для атмосферной техники. Не удивлюсь, если здесь и капониры с истребителями отыщутся. А то, что здешние обитатели могут челноки с космических кораблей принимать да и суденышки типа эксплорер-ботов – это к гадалке не ходи. Серьезно устроились военные, с выдумкой и старанием.

Викентия вызвал диспетчер, и он отвлекся на переговоры, в которые я даже не пытался вникать. Впрочем, беседа заняла не больше минуты, и коллега ловко приземлил глайдер на одной из стартовых площадок рядом с тяжелым универсальным катером – махиной метров пятнадцати длиной, стреловидной формы. На таком при нужде и на орбиту можно выйти, правда, ненадолго. Хотя вряд ли он использовался в подобных целях – на соседней площадке торчала свечка малотоннажного каботажника, и на нем запросто можно было облететь всю Систему, включая пылевой диск и внешние планеты-гиганты, которые оттягивали на себя львиную долю космического мусора, иначе на Нереиде невозможно было бы жить из-за бесконечных метеоритных бомбардировок.

Здесь нас уже ждали. Едва мы выбрались из салона, как в борту катера распахнулся люк, из которого выпрыгнули двое из ларца, одинаковы с лица – в буквальном смысле слова.

– Здорово, пацаны! – поприветствовал парней обрадованный Викентий. – Принимай товар.

Близнецы без лишних слов принялись методично освобождать багажник глайдера, а мы с Галей с трудом сориен-

тировались в завале в кабине и начали потихоньку распределять багаж, в благодарность припахав Викентия. Тот возражать не стал, хотя и проводил завистливым взглядом Петровича, обрадованно рысившего за близнецами. Судя по озадаченным образам, которыми он принялся меня бомбардировать, с подобным зрелищем сталкиваться ему ранее не приходилось. Поняв, что питомец не отцепится, я потребовал объяснений у старшего товарища.

– Это Паша с Лешей, они монозиготные близнецы-двойняшки, – с пыхтением начал тот сыпать банальностями, усугубленными профессиональной деформацией. – Работают на базе, техники-наладчики. Ну и периодически экспедиторы, сопровождают катер в рейсах. Паша еще и пилот, а Леша штурман. Очень удобно. На самом деле они прекрасные парни, приветливые и компанейские, просто сейчас стесняются.

Ага, вижу. Рослые, белобрысые, косая сажень в плечах – богатыри! Им бы еще лица попроще и хотя бы подобие улыбок – цены бы не было. А так они больше на беглых зеков похожи, особенно в этих комбезах веселого оранжевого цвета. Чисто тюремная униформа, хоть на нагрудных карманах у них и красуется эмблема базы – «Genesis-3000» на фоне планеты. Подозреваю, что и у катера на «спине» такая же найдется. Викентий как раздолбай ходит – легкие брючки, сандалии, рубашка-гавайка, – а эти ребята дисциплину блюдут, равно как и форму одежды. Ученая братия на такие вещи внимание обращать не склонна. А тут сразу видно, тех-

нари, к тому же наверняка в армии служили – по возрасту как раз подходят.

В восемь рук и четыре лапы работа спорилась; Галя, как истинная леди, позволила мужчинам освободить ее от физических нагрузок и благоразумно молчала, за что ей честь и хвала. А вот Петрович старался изо всех сил – бестолково путался у всех под ногами, причем настолько хаотично, что предугадать следующий его маневр не смог бы даже артиллерийский «мозг», запросто справляющийся с множественными высокоскоростными целями. Минут через пять весь сегодняшний «улов» перекочевал в объемный багажный отсек катера, а мы устроились в креслах – куда более комфортабельных, чем гнездо из шмоток в глайдере. Впрочем, Галя с Викентием этого не оценили. Один из близняшек, если верить бейджику, штурман Леша, заглянул к нам, убедился, что мы пристегнуты и танцевать канкан на столе не собираемся, буркнул что-то под нос и скрылся в пилотской кабине. Люк за его спиной с легким шелестом сел в пазы переборки, и мы оказались предоставлены сами себе.

– Викентий, а глайдер как же? – запоздало поинтересовался я, когда катер бесшумно поднялся над посадочной площадкой на антигравах.

– Не переживай, его уже убрали, – отмахнулся коллега.

Как раз в этот момент Паша врубил предназначенные для мощной атмосферной техники ионные движки, и нас на долю секунды вжало перегрузкой в спинки кресел. Неприят-

ные ощущения сразу же исчезли – гравикомпенсатор сработал своевременно, и катер уверенно набрал крейсерскую скорость. Под днищем пронеслось взлетное поле, потом военный городок, живописный пляж и снова потянулись однообразные пейзажи – голубое море, разбавленное фиолетово-золотыми кляксами островов. Подробности в иллюминатор рассмотреть не удавалось, да и приелась уже эта картина, если честно.

Система тау Кита, планета Нереида, 5 декабря 2537 года

До острова добирались почти два часа, и примерно треть этого времени ушла, чтобы пересечь широкий экваториальный океан – обширное водное пространство без признаков суши, опоясывавшее планету. Именно здесь располагались самые глубокие участки – до трех километров, а в одном месте притаился разлом, где до дна пришлось бы спускаться все пять. Ученые терялись в догадках, почему так получилось, но родить более-менее внятную гипотезу так и не смогли, поэтому все приняли это как данность. Рыбакам тут было раздолье, и хотя в этих широтах существовал риск нарваться на ураган или иной сюрприз погоды, никого это не останавливало. Туристов здесь мог привлечь разве что глубоководный парк в так называемой Тесканской впадине. Но удовольствие это было на большого любителя, к тому же стоило недешево. По мере удаления от экватора отдающая сталью рябь сменялась густой синевой, постепенно уступившей место голубо-

му оттенку, разбавленному черными точками скал, а затем все большим количеством клочков суши с купами местных фиолетовых пальм. С каждой сотней километров плотность островов увеличивалась, да и сами они прибавляли в размерах, так что кое-что можно было и на высокой скорости рассмотреть. Я на опыте убедился, что более-менее крупным морским судам путь сюда заказан, да и не каждая яхта сумеет пробраться по этому лабиринту вглубь хотя бы на пару сотен миль. Поразил также тот факт, что все острова были вулканическими, ничего, хотя бы отдаленно напоминающего коралловые рифы или атоллы, на пути не встретилось. Вспомнив вступительную лекцию, я сообразил, что они еще просто не успели здесь образоваться – возраст архипелагов по геологическим меркам был очень мал. Вряд ли в этих гостеприимных водах отсутствуют аналоги полипов, в таких условиях им самое место, разве что не эволюционировали еще из каких-нибудь беспозвоночных.

Братья-пилоты никуда не торопились, берегли заряд в батареях, да и напрягаться лишний раз с маневрированием ленились, поэтому летели долго. Из такого катера можно было бы минимум вдвое больше мощности выжать, соответственно и прирост скорости был бы ощутим, но тут сказывалась общая размеренность жизни на базе. Она существовала уже три года, распорядок давно устаканился, и работать в авральном режиме никто не стремился, предпочитая «поспешать не спеша», благо местный климат располагал к некой задум-

чивости, из которой проистекала склонность ее обитателей к философствованию. Я это дело обозвал замаскированной ленью, с чем Викентий решительно не согласился и даже попытался заключить со мной пари, дескать, через месяц я сам таким же стану. Но мне уже сейчас стало лень, и биться об заклад я не пожелал, тем более на горизонте нарисовался долгожданный остров Флоранс.

Видимо, у местных пилотов существовал уже отлаженный ритуал посадки катера с впервые оказавшимися здесь сотрудниками, потому что Паша без напоминания снизил скорость и заложил два широких круга над островом, позволяя вновь прибывшим хорошенько его рассмотреть. Викентию открывшийся вид уже приелся, но он посчитал своим долгом рассказать, что и где расположено. Я слушал его вполуха, больше полагаясь на собственное зрение, но примерную компоновку уловил.

С высоты птичьего полета остров Флоранс выглядел как подкова, дугой смотрящая на север, а прогалом между ветвями выходящая почти строго на юг. «Подкова» эта была образована скальным массивом, труднопроходимым, но достаточно пологим с внешней стороны и крутым с внутренней. Высота его, если на глаз, достигала метров пятидесяти без особых перепадов по всей длине. Структура этой гряды напоминала коралловый атолл, но была сложена из чего-то вроде базальта и не разделялась протоками на мелкие островки – моту. Вместо них имелся один обширный проход

в лагуну, окаймлявшую непосредственно остров Флоранс с горой в северной части, подозрительно напоминавшей кратер погасшего вулкана. Да и вообще все пространство внутри каменной «подковы» походило на частично затопленную кальдеру, что прекрасно коррелировалось с гипотезой о затонувшем некогда материке.

Центральная гора примыкала к скальному поясу, образуя в этом месте высокий – в несколько сот метров, точнее сказать не могу – массив, густо поросший здешними фиолетового отлива джунглями. Южный склон был пологим, как и вся эта часть острова, здесь имелось живописное озерцо, окаймленное узкой полоской пляжа. Холмистый, с выходами на поверхность выветренного известняка рельеф постепенно переходил в широкое поле, украшенное купами пальм и каких-то кустарников.

От этого солидного куска суши в виде вытянутого треугольника, длиной около десяти километров и шириной в северной части около пяти, был отделен проливом островок поменьше, в юго-восточной части лагуны. Этот клочок был изрезан не так сильно, но зарос куда гуще, и с высоты напоминал ковер с длинным ворсом. Берега у него были крутыми, без намека на пляжи или хотя бы отмели. Судя по цвету, в протоке глубины доходили метров до тридцати, в отличие от остальных рукавов да и центральной части лагуны. Скорее всего, тут располагался разлом в скальном основании.

Сразу за протокой, как раз между островами и стеной

«подковы», притулился укромный залив, идеально подходящий для стоянки среднетоннажных судов – и проход удобный, и глубины за глаза, и от ветра и волн защита абсолютная. Местное руководство не хуже меня понимало преимущества этого природного укрытия, так что основное поселение располагалось именно в этой части побережья Флоранс, а в самом заливе болталось несколько белоснежных посудин. Место было обжитое: кучки жилых домиков чередовались с длинными исследовательскими корпусами и хозяйственными объектами типа энергостанции, ремонтной мастерской и посадочного комплекса, побережье залива обросло десятком причалов из ажурных конструкций с пластиковыми настилами, здесь же громоздилась пара эллингов, разделенных широким галечным пляжем с удобным спуском от поселка. На северной окраине красовались рифленым железом вездесущие полукруглые ангары, способные вместить целую эскадрилью атмосферных катеров, типа того, на котором мы летели, или даже более крупных. Чуть в стороне, на холмике, тянулась ввысь башня связи. Судя по количеству и размерам натыканных на ней антенн, база могла напрямую, минуя планетарные ретрансляторы, связаться с Сетью и соответственно с любым населенным объектом Внутренних Систем. В общем, остров Флоранс мне понравился, напрягало только отсутствие песчаных пляжей, разве что на озеро купаться ходить. Но оно может оказаться очень глубоким и холодным.

– Обратите внимание, Галенька, вон на тот остров! – вещал между тем Викентий, галантно поддерживая девушку за локоток. – Там расположен основной испытательный комплекс, обитают подопытные зверюшки, и обычным смертным туда ход заказан. Называется вся эта благодать Обезьянником. Вы бы только видели, каких результатов удалось достичь местным коллегам за эти жалкие три года! Я обзавидовался, честное слово! Тут за пару месяцев можно набрать материала для кандидатской диссертации, а за полгода и на докторскую замахнуться! Мечта, а не работа…

Галя восторгов Викентия не разделяла, вцепившись в подлокотник: Паша как раз начал снижение, видимо решив отыграться за весь полет. Катер резко нырнул вниз, чуть замедлившись над скалами, потом пронесся над протокой между островами, старательно копируя все изгибы, и снова взмыл на несколько десятков метров вверх над заливом, едва не задев днищем мачту ближайшей яхты. Напуганная ревом движков, с ближайших скал, утесов и просто деревьев вспорхнула туча разнообразных птиц. Своим гвалтом они превзошли даже наш летательный аппарат, причем мы это всё прекрасно слышали, поскольку пилот ослабил шумоизоляцию пассажирского салона. Хищная стрела катера прошила галдящее облако навылет и зафиксировалась на антигравах над одной из стартовых площадок посадочного комплекса. Затем Паша аккуратно приткнул аппарат у гостеприимно распахнутых ворот ангара, вырубил тягу и разгерметизиро-

вал люк.

– Приехали, – выдохнул Викентий.

Продремавший всю дорогу в одном из кресел Петрович лениво приоткрыл левый глаз, наморщил нос и гневно фыркнул – дескать, не дают бедному животному толком выспаться. Я наградил его образом дрыхнущего кота, по которому невозбранно гуляет отделение мышей, а парочка даже купается в миске с молоком, и без перехода скомандовал:

– Разведка!

Мой дисциплинированный напарник моментально собрался, вытянувшись чуть ли не в струнку и навострив уши, и за неуловимое мгновение слился с обивкой кресла, став из рыжего грязно-серым с вкраплением черных оспинок. Викентий, до того с кошачьими метаморфозами почти не сталкивавшийся, прервал на полуслове хвалебную оду острову и потрясенно уставился на Петровича.

Я довольно рассмеялся и почесал питомца за ухом, безошибочно выделив его на фоне обивки:

– Расслабься, зверюга. Тут безопасно. Пошли с новыми коллегами знакомиться.

Петрович последовал совету и спрыгнул с сиденья, еще больше поразив Викентия: прямо в полете он начал изменять окрас, этакой волной – нос, щеки, уши, шея – и так до кончика хвоста, приземлившись на пол уже привычно рыжим. Задрал хвост трубой и вперевалочку прошествовал к люку, посверкивая длинной шерстью на «штанишках».

– Саечка за испуг! – Я примерился было подцепить ладонью отвисшую челюсть Викентия, но тот вовремя среагировал и закрыл рот самостоятельно.

На Галю кошачья выходка впечатления не произвела – за время совместной жизни и не такое видела, – но Викентий выглядел столь забавно, что и она не удержалась от смеха. Я с удовольствием к ней присоединился, через секунду не выдержал и сам виновник торжества, и пассажирский салон содрогнулся от дружного хохота.

– Классная хохма! – похвалил Викентий, утирая слезы. – Нужно взять на вооружение. Олежек, одолжишь Петровича?

– Не, сам договаривайся, – ушел я в отказ.

Мало ли кого он разыграть вздумал, проблем потом не оберешься.

– Кульману однозначно понравится. – Викентий выбрался из салона и подал Гале руку. – Он такие шутки любит. Кстати, вот и он сам.

Подстраховав любимую – пусть видит, что я тоже не лыком шит, а то больно уж рьяно Викентий за ней ухаживать взялся, – я спрыгнул на пенобетонное покрытие стартовой площадки и посмотрел в указанном направлении. От аккуратного домика с решеткой антенны на крыше – скорее всего, диспетчерской – к нам шел молодой парень ярко выраженной семитской внешности: смуглый, большеносый, с непокорными темными кудряшками и белозубой улыбкой во весь рот.

– Коллеги, позвольте представить вам знаменитого, – Викентий на секунду задумался и подпустил в голос пафоса, – и, я не побоюсь этого слова, всеми уважаемого Кульмана Михаила Давидовича! Он занимает должность заместителя директора базы по хозяйственным вопросам, знает все и про всех, в общем, страшный человек. И настоящий одессит.

Последние слова Викентий выделил с явным намеком, на что отрекомендованный незамедлительно отреагировал:

– Таки ви мене смущаете, Викентий. Где я и где Одесса! – Кульман возвел очи горе, одновременно экспрессивно всплеснув руками, и перешел на нормальный тон: – День добрый, коллеги. Вижу, этот неугомонный товарищ меня уже представил. А вы, я так понимаю…

– Рыжик Галина Юрьевна, – послушно отозвалась моя ненаглядная. – Младший научный сотрудник. Прикомандирована к морским биологам, лаборатория профессора Корневой.

– Очень приятно. – Кульман, заложив руку за спину и согнувшись в манерном поклоне, галантно приложился губами к Галиному запястью. – С коллегами познакомитесь позже, завтра у нас выходной, а сегодня определимся с жильем и поставим вас на довольствие. Вы не против?

Галя отнеслась к новому лицу благосклонно, и тот это заметил. Впрочем, немудрено – парень симпатичный, хваткий и деловой, такие бабам нравятся, и он об этом прекрасно знает и частенько пользуется. Знакомый типаж. Если не хочу

проблем на личном фронте, надо сразу расставить все точки над «ё», чтобы потом не опускаться до рукоприкладства…

От размышлений меня отвлек шелест крыльев за спиной. Я машинально обернулся и с удивлением увидел крупного птаха, смахивавшего на попугая ара, пестрого, с длинным иссиня-черным хвостом. Тот бесстрашно приземлился в паре шагов от меня и неспешно направился к Петровичу.

Мой питомец сидел, ничего не подозревая. Вернее, подозревая, но не то, что нужно: кот изображал столбик, пристально уставившись на Мишу Кульмана. Одно его ухо было вздернуто, а хвост нетерпеливо елозил по пенобетону, собирая пыль. Такая поза свидетельствовала о крайней степени любопытства с примесью неудовольствия. Если бы он так смотрел на меня, я бы сказал, что зверь меня запоминает дабы отомстить в перспективе, пусть и достаточно отдаленной. Видимо, Петрович воспринял возникшее у меня неприятие к новому знакомцу буквально и взял того на карандаш.

И все бы ничего, но дергающийся хвост привлек внимание попугая, который бесшумно приблизился к Петровичу с тыла и с ходу долбанул мощным клювом в рыжий кончик. Попал удачно, если судить по истошному мяву и высоченному прыжку с двойным сальто. Приземлившись на все четыре лапы мордой к неведомому врагу, Петрович застыл враскорячку с выгнутой спиной и вздыбленной шерстью, готовый наградить супостата мощным ударом когтистой конечности, но наглый птах, не ожидавший подобной реакции, испуган-

но вспорхнул к Кульману на плечо, зацепив того крылом за нос и прервав на полуслове очередной комплимент в адрес Гали. Девушка рассмеялась, Петрович обиженно фыркнул и спрятался за мои ноги, а деликатный Викентий ограничился странным хрюкающим звуком и слезинкой в правом глазу, которую смахнул украдкой.

Администратор же, ничуть не удивленный выпавшей ему ролью насеста, спихнул попугая с плеча и укоризненно погрозил пальцем:

– Карлуша, таки ви мене разочаровали! Зачем ви пристали к нашему гостю? Стыдно, Карлуша!

Птах невнятно каркнул, расставив крылья, косолапо развернулся к нам спиной и ловко вспорхнул на крышу диспетчерской.

– Не обижайтесь на Карлушу, он несколько эксцентричен, – принялся оправдываться Михаил. – Кстати, вы у нас…

– Денисов Олег Игоревич, – отрекомендовался я, пожимая протянутую ладонь, которая оказалась хоть и костистой, но неожиданно крепкой. – Лейтенант корпуса Егерей. А это мой напарник, Василий Иоганн Петровский Распадок. Можно просто Петрович.

Означенный напарник высунулся из укрытия и многозначительно фыркнул, пристально уставившись на моего собеседника.

– Таки ви просмотрите во мне дырку и я превращусь в ходячий свисток! – подмигнул коту Кульман, и Петрович пер-

вым отвел взгляд, чего я за ним ранее не замечал. Обычно сдавались его оппоненты, за исключением меня самого. – Вы будете работать с зоологами, насколько мне известно.

– Так точно. Подробностей пока не знаю.

– Ничего страшного, – заверил меня Миша. – Сегодня все равно работать не придется.

– Я уже понял. Сегодня решаем проблемы с жильем. Думаю, нам хватит и одной комнаты. Правда, любимая? – Я приобнял Галю за талию, та хмыкнула и прижалась ко мне плечом. – Пойдемте выбирать?

– Таки понял, не дурак, – ухмыльнулся при виде этой сцены администратор. – Давно знакомы? Если не секрет, конечно?

– Давно, еще с Находки, – не стал я вдаваться в подробности.

Тут как раз и Галя опомнилась:

– Денисов, дурак! Какая одна комната?! Офигел, что ли?! И вообще, куда собрался? А вещи?!

Миша Кульман окончательно удостоверился в серьезности наших отношений, осознал, что на этой грядке ему ничего не обломится, и повернулся к едва сдерживающему смех Викентию:

– Много вещей? Кстати, по списку все закупил?

– А как же! Боюсь, в руках не утащим. Надо тележку. Или лучше электрокар.

– Не вопрос, сейчас охламонов припрягу. Вы пока из ба-

гажника все доставайте… – Миша окинул орлиным взором посадочную площадку, локализовал братьев-пилотов и коршуном накинулся на них: – Павел! Таки сколько раз я вам говорил, не ревите движками над поселком! Ви таки идиот или притворяетесь? Еще раз повторится, обоих лишу премии! И вообще, бегом за каром!

Двойняшки молча оторвали задницы от скамейки, притулившейся у стены диспетчерской, и разбежались в разные стороны: Паша метнулся в прохладную полутьму ангара, а Леша направился к катеру. Или наоборот, фиг их знает.

Дальше дело пошло споро: мы совместными усилиями рассортировали поклажу на две неравные кучи – причем наша с Галей вышла как бы не больше – и загрузили имущество Викентия на платформу электрокара. Юркая машинка под управлением то ли Паши, то ли Леши укатилась в сторону длинного складского здания, тянувшегося напротив посадочного комплекса, и Кульман в ожидании ее возвращения принялся щелкать по сенсорному дисплею переносного терминала. Девайс он извлек из набедренного кармана своего спецкомбинезона, поверх которого зачем-то напялил белый халат. Я этому факту сразу удивился, но спросить постеснялся. Впоследствии выяснилось, что здесь так заведено среди ученой братии и лиц, к ним приравненных. А Миша Кульман хоть и занимал административную должность, был еще и неплохим генетиком, просто сейчас набирался опыта, чтобы вскоре возглавить собственную лабораторию. Это мне

по секрету сообщил Викентий, когда мы вечерком решили пропустить по паре пива, любуясь на живописнейший закат.

Между тем электрокар вернулся, мы побросали на него наши вещи, и Миша согнал Пашу-Лешу с водительского места. Впрочем, сразу же выяснилось, что это все же был Паша, потому как он окликнул блаженно расслабившегося на лавочке брата по имени. Пилоты собрались заняться послеполетным обслуживанием катера, а Викентий, чутка поколебавшись, отправился домой, решив проявить деликатность – вмешиваться в таинство распаковки вещей подопечных на новом месте он посчитал бестактным. Петрович возмущенным мявом и не менее возмущенным мыслеобразом дал понять, что ни на грош ему не верит. И я был склонен с ним согласиться: Викентий просто откосил таким образом от лишней работы. Уговаривать мы его не стали и молча загрузились в электрокар: Гале, как девушке хрупкой и нежной, досталось место в кабине, мы же с Петровичем довольствовались баулами на грузовой платформе.

Миша Кульман оказался водилой хоть куда, тронул неуклюжий кар без малейшего толчка и вообще управлялся с ним довольно ловко, вписывая в извивы не самой широкой дорожки, вместо пенобетона присыпанной крупной галькой. Обточенные водой камешки вкусно хрустели под покрышками, вызывая желание пройтись по пляжу босиком – порой это бывает не менее приятно, чем прогулка по песку, особенно если острых обломков нет. А их и не будет, если пляж

хороший, без щебня.

По пути администратор вводил нас в курс здешних дел:

– Коллектив у нас дружный, но подшутить все любят, так что готовьтесь. Вообще народу на базе не очень много, на сегодняшний день, не считая вас, семьдесят три человека научных работников и сорок два технического персонала. Живут люди компактно, есть два коттеджных массива: тот, что на северной окраине – Мазута, там в основном технари, второй – ваш, он на пляж выходит, есть даже несколько бунгало на сваях, на особого любителя. Обитают здесь ученые, биологи, зоологи, генетики и им сочувствующие – биохимики, биофизики и прочие био. Ребята-техники массив Зоопарком окрестили, и таки я вам скажу есть за что! Такие интересные типажи среди ученой братии встречаются, что я вас умоляю! Кстати, вот это здание справа – главный склад, моя, можно сказать, епархия.

– А за оружейку кто отвечает? – полюбопытствовал я о насущном.

– А, забыл совсем! У нас же здесь усиленная рота Охотников квартирует. Это еще севернее, у озера. Там казармы, плац, все дела. И оружейная комната у них же. По-хорошему вам, Олег, там жить полагается, но сверху пришло указание поселить вас с учеными.

– Странно, – хмыкнул я, – а чего это главная ударная сила в глуши торчит? Случись что, могут не успеть на объекты выдвинуться.

Насчет жилья и так понятно – объект гражданский, задачи у меня с охотничьими не пересекаются, так что нечего им лишний раз глаза мозолить. Мой непосредственный начальник – научный руководитель биолаборатории, по его заказам работать буду.

– Таки я вас умоляю! – отмахнулся Миша. – Что может случиться? В Обезьяннике своя система охраны, там сетчатый забор под напряжением и автоматические турели чуть ли не через десять метров. Плюс заминировано и можно газ пустить, так что образцы заперты надежно. А на базе охранять-то и нечего. Вернее, есть, но не от кого. На острове, кроме птиц, из крупных хищников только местные аналоги кроликов. Представляете, они сумчатые и яйца несут!

Галя навострила уши, но Кульман с благодатной темы поспешил съехать, – видимо, работы ему и в будни хватало, чтобы еще вечер пятницы себе портить рассуждениями о морфологии здешней живности.

– Так вот, Охотники в основном побережье патрулируют, у нас тут три катера специальных, вот они и катаются вдоль скал, типа мониторинг прилегающих территорий. Хотя, конечно, в основном рыбу ловят. Еще парные посты на важных объектах: подстанции, узле связи, в биолаборатории – вон тот купол, самый большой, видите? – и с поисковыми партиями по окрестным островам шастают. А тех, кто не на посту, командир в тренировочном комплексе муштрует.

Электрокар выбрался из лабиринта хозяйственных по-

строек, оставив за кормой многочисленные склады, хранилища, просто контейнеры, наваленные без системы – по крайней мере, на мой взгляд, – и выбрался на круглую площадь, украшенную фонтаном и парой беседок-курилок. В них уже кучковался народ, разбившийся на два лагеря: левую беседку занимали ученые в белых халатах, правую – облаченные в знакомые оранжевые комбезы техники. Подробностей мы рассмотреть не успели, Миша постарался побыстрее проскочить местный бродвей, но, судя по взглядам, которыми нас наградили обе группировки, мы стали новостью номер один. Во всяком случае, на сегодняшний вечер.

– Вы на них внимания не обращайте, – продолжил поучать нас администратор. – Молодежь, заняться особо нечем, вот и строят козни друг другу, но довольно безобидные. Троллинг в крупных масштабах, но без мордобоя. Хотя лучше не расслабляться, а то мигом что-нибудь учудят.

Михаил вписал электрокар в резкий поворот, оставив слева Мазуту, и через несколько минут мы оказались на месте. Машинка покрутилась по узким улочкам меж аккуратными разноцветными домиками, вырулила в самый дальний закуток и притормозила у симпатичного жилища – небольшого коттеджа с мансардой, асимметричной двускатной крышей из красной пластиковой черепицы и обшитыми синим сайдингом стенами.

– Таки прибыли! – объявил Кульман, одарив нас широкой улыбкой. – Запоминайте адрес: Синяя линия, дом пять.

Комплекс современный, все коммуникации в наличии, кухня тоже есть. Если не хотите готовить сами, можно организовать доставку из центральной столовой. Мебель и постельные принадлежности уже на месте, если что еще понадобится – составляйте заявку. Что возможно, дадим со склада, остальное с большой земли привезем, но это, сами понимаете, будет позже. Захотите личный транспорт – выделим скутеры, тут многие на них катаются. В холодильнике запас продуктов на первое время. И давайте-ка подключим вас к локалке…

Через пару минут формальности были улажены, и мы с Галей получили доступ к местной сети. Я пока этим заморачиваться не стал, отложив рандеву с компом на вечер, Галя последовала моему примеру. А Петровичу на эти материи вообще было плевать, о чем он и не преминул напомнить требовательным мявом.

– Пойдемте в дом, покажу ваши новые владения! – Миша легко выпрыгнул из кабины, опередив меня, и подал руку Гале. – Там, на задах, еще небольшой дворик есть, можно мангал поставить или просто кресло. Многие так делают. Вот, кстати, ваши ключи. И инфоры сейчас запрограммируем…

Домик и впрямь оказался симпатичным, просторным и уютным, хотя пока еще немного казенным. Но это ничего, Галя живо порядок наведет, недаром в магазине столько мелочевки накупила. На первом этаже располагались холл, спальня, кухня, она же столовая, и ванная комната с роскош-

ным джакузи. После гостиничного номера в Диптауне с его убогой пластиковой ванной здешняя мне показалась чуть ли не бассейном. Галя же была в полном восторге, так что мне стоило больших трудов уговорить ее сначала разобраться с вещами, а уж потом… Помню я ее многообещающий взгляд, помню.

Мансарда занимала почти весь чердак, стенами ей служили скаты крыши, так что ходить пришлось осторожно, дабы не воткнуться головой в облицовочный пластик. Но мне и это понравилось – ощущение уюта только усилилось, как будто в деревне у бабушки залез на баню и сидишь, как мышь под веником. Особенно если там этих самых веников прорва – и березовых, и дубовых, и еще всяких разных. Здесь, понятно, такой экзотики не наблюдалось, но спускаться вниз не хотелось. Света тоже хватало: в длинном скате окошек не было, а вот в коротком и более крутом было прорезано целых три. Ковролин на полу, пара пуфиков, кресло-качалка (пластиковое, но тем не менее!), абстрактная картина в пластиковой же рамке – красота. Я мгновенно влюбился в эту комнату и без зазрения совести оккупировал кресло, закинув ногу на ногу и изобразив выпущенный из воображаемой трубки клуб дыма.

– Оле-е-ег!.. – заканючила Галя, опоздавшая на долю секунды.

– Не пущу. И вообще, я лично тут жить буду. Ты со мной?

– Ага, – вздохнула моя ненаглядная. – А спать на полу?

– Могу кровать надувную выделить, – предложил довольный нашей реакцией Михаил. – Ближе к вечеру заскочу или через Викентия передам. Идет?

– Конечно! – обрадовалась Галя. – Можно я вас поцелую?

Кульман возражать не стал, но целомудренно подставил щеку, – видимо, вспомнил взгляд Петровича.

Кстати о птичках… А где соратник-то? Вроде вперед нас в дом прошмыгнул, а теперь задевался куда-то.

Я неспешно обошел комнатку, периодически пригибаясь, и вышел к торцевому окну, смотрящему на обещанный задний дворик. А ничего, симпатичненько. Веселый газон, вблизи вполне себе зеленый, пара шезлонгов, пышные кусты вдоль забора… Ага, и знакомая до боли рыжая спина торчит из-под ветки. Я хотел было привлечь внимание Петровича вопросительным мыслеобразом, но в этот момент заметил давешнего птица – наглого Мишиного питомца. Судя по всему неугомонному попугаю понравилось издеваться над беззащитным котом, и он решил повторить успешный опыт, благо хвост торчал на виду. Птах бесшумно спланировал с крыши, косолапо подкрался к жертве, занеся клюв для удара… И нарвался на ловкую оплеуху кошачьей лапой – я вовремя предупредил напарника, передав стандартный образ «нападение сзади». Петрович оказался значительно быстрей и проворней птица: сшибив попугая с траектории, кот заставил его позорно ретироваться, к тому же еще успел в прыжке вцепиться в роскошный хвост и выдрать пару длинных

перьев. Приземлившись на четыре лапы, Петрович победно фыркнул, но от трофея избавляться не стал и неспешно потрусил к двери, которую и забодал сходу, благо она была не заперта.

Дожидаться пришествия воина-победителя я не собирался – не хватало мне еще в будущей спальне мусора всякого – и быстренько увел Галю с Михаилом на первый этаж. Здесь я отобрал у мурзящегося Петровича перья и вставил их в высокий стакан, извлеченный из буфета на кухне. Водрузив импровизированную вазу с боевым трофеем на стол, я одобрительно потрепал напарника по загривку:

– Ну вот, Петрович, наше первое украшение! Разрешаю забираться на стол и любоваться в любое удобное время.

– Я тебе заберусь! – Галя протянула было руку к «вазе», но мы хором на нее заурчали – кот обиженно и одновременно просительно, а я жалостливо – чисто из озорства.

Против организованного отпора Галя не пошла и оставила украшение в покое.

– Вещи пошли выгружать, охотнички! И будете мне помогать дом украшать, – пригрозила девушка в отместку.

Мы с котом недоуменно переглянулись – так уже ж! – но спорить не стали и вышли к электрокару. Миша, равно как и злокозненный Карлуша, был здесь. Он ласково поглаживал птица по крыльям и приговаривал:

– А я таки предупреждал, а ви таки не слушали! Теперь ходите с ободранным хвостом, ни одна подружка на вас не

клюнет. И не надо меня умолять, я таки не собираюсь отвоевывать ваши перья. Стыдитесь, Карлуша!

Петрович прошелся перед каром с видом победителя, не сводя с птаха плотоядного взгляда. Тот почел за лучшее перестать ябедничать и упорхнул на крышу соседнего коттеджа.

Мы же тем временем занялись разгрузкой, сваливая пока баулы в кучу посреди холла. Справились быстро, распрощались с Михаилом, и тот укатил на своем электромобильчике, прохрустев напоследок шинами по гальке. Я проводил его взглядом и приобнял Галину за талию:

– Ну что, Галчонок, пошли устраиваться?

Та прижалась ко мне и подняла на меня большие грустные глаза:

– Думаешь, мы тут надолго?

– Не знаю, – вздохнул я. – Хочется верить. Давай пока что считать это место домом.

Глава 2. Дела и заботы

Система тау Кита, планета Нереида, 18 декабря 2537 года, утро

Проснулся я, как обычно, за пять минут до будильника. Привычка, приобретенная еще в бытность мою в академии, по большей части полезная, хотя по выходным напрягает. Впрочем, сегодня четверг, рабочая неделя хоть и идет на убыль, но расслабляться рано. Я осторожно, стараясь особо не колыхать надувную кровать (таки Миша Кульман сдержал обещание и обеспечил нас этим ценнейшим предметом мебели в первый же вечер), выпростался из-под одеяла и на цыпочках прошел к лестнице, по пути захватив с пуфика инфор. Свернувшаяся калачиком Галя заворочалась, но не проснулась – ничего удивительного, вечер был очень бурный, при этом я откровенно ленился, сославшись на усталость, так что проявлять инициативу и трудиться пришлось в основном ей. В награду я не стал ее будить и даже вознамерился приготовить завтрак.

Приступить к выполнению плана мне ничто не мешало, так что, оказавшись на кухне, я прошлепал к холодильнику, извлек из него коробку с замороженными блинчиками с творогом (полуфабрикатами всех обитателей базы снабжала центральная столовая, и надо сказать, еда была весьма

недурна) и закинул ее в микроволновку. Умная шайтан-машина распознала содержимое упаковки и запустила соответствующую программу, а я ткнул кнопку на кофеварке и завалился в ванную – в кои-то веки нормально утром умоюсь, а то вечно ненаглядную приходится с боем выгонять.

В быту Галя оказалась неожиданно проблемной особой: раскидывала где попало предметы туалета, принципиально не убирала за собой кофейную кружку, так что я периодически натыкался на нее в неожиданных местах, не исключая санузла, постоянно теряла инфор и переносной терминал (казенный, между прочим!) и была решительно не способна противостоять приступам самого настоящего свина – могла посреди ночи опустошить полхолодильника, заодно устроив на кухне локальный армагеддец. Удивляюсь, как она до сих пор сохранила точеную фигуру. Скорее всего, просто не в коня корм. Мы с Петровичем, привыкшие к армейскому порядку, в меру сил боролись с этой напастью, еще на Болле достигнув кое-каких успехов. Но здесь, на базе, болезнь вспыхнула с новой силой: Галя осознала, что дом наш и только наш, никто не пройдет дальше прихожей, в крайнем случае холла, без позволения хозяев, и стесняться перестала. Радовал тот факт, что она и за всеми остальными обитателями жилища признавала право разводить бардак, в разумных пределах конечно же. То есть требовала минимум раз в три дня пылесосить ковролин, чуть ли не по несколько раз в день перемывала посуду на кухне и периодически возила влаж-

ной тряпкой по всем доступным поверхностям. Что самое поразительное, попадавшиеся в процессе милые безделушки вроде использованных зубочисток она аккуратно поднимала, промывала под ними и возвращала их на место. Тотальная уборка проводилась примерно раз в месяц, именно тогда мы избавлялись от накопленного хлама, выслушивая много интересного про «офигевших от безделья нерях». На резонные замечания вроде «чья бы корова…» сначала дулась, потом привыкла и обижаться перестала.

Мы с напарником тоже притерпелись к эксцентричной сожительнице и даже нашли это забавным. Единственное, что конкретно бесило, это когда Галя без всякой задней мысли пристраивала свое мокрое полотенце поверх моего, не догадываясь использовать второй рог вешалки. На праведный гнев реагировала адекватно, клятвенно обещая впредь не повторять ошибку, о чем благополучно забывала уже через час.

Вот и сейчас, покончив с водными процедурами, я с омерзением вытянул из-под роскошного розового в цветочек Галиного полотенца свое, за ночь превратившееся в махровую тряпку, сочащуюся влагой. С трудом обнаружив более-менее сухой уголок, вытер лицо и уставился на собственное отражение в зеркале. Что сказать? Работа на природе оставила след. Как в одной песне поется, «я молод и свеж, как поросль фикуса». Сна ни в одном глазу, за окном птички поют – и через закрытую дверь слышно, – в общем, лепота. Даже ко-

фе не очень хочется, хотя Галя в последние полгода меня к нему пристрастила.

Выскользнув из ванной, я едва не споткнулся о кота: Петрович по своей извечной привычке растянулся на полкоридора, что при его размерах труда не составляло, и блаженно щурился, вытянув лапы и хвост. Белое брюхо подозрительно раздулось – не иначе успел уже кого-то употребить. Крайние несколько дней мой питомец пренебрегал кошачьим кормом, предпочитая натуральный продукт. Видимо, мстил всем пернатым за пережитое по вине попугая Карлуши унижение.

Вид блаженствующего Петровича навел меня на любопытную мысль, и я сосредоточился, устанавливая с напарником контакт. Тот приоткрыл левый глаз, и мы немного поиграли в гляделки. Уяснив задачу, кот нехотя собрался в более-менее компактный комок, поурчал недовольно, но я остался непреклонен, и питомцу пришлось приступить к выполнению плана. Дождавшись, когда Петрович скроется в мансарде, я вернулся на кухню и принялся сервировать стол.

Я успел разложить блинчики по тарелкам и разлить кофе по кружкам (одну пришлось притащить ажно с заднего двора – моя ненаглядная забыла ее там с вечера), когда с мансарды донесся грохот пополам с диким мявом, и Петрович рыжей стрелой промчался по лестнице. Кот с юзом свернул на кухню и укрылся под столом, попутно одарив меня гневным мыслеобразом, который я расшифровал как «Вот это

подстава!». А как ты хотел?! Если с разбегу напрыгнул на спящую девушку, а потом, убедившись, что наскок не возымел действия, несколько минут мяукал над ухом наипротивнейшим голосом, нечего удивляться, что в тебя подушкой запустили. В благодарность, так сказать.

Через несколько секунд в потолочном проеме показалось второе рыжее чудо – растрепанная Галя в пикантном виде: ночной рубашкой она традиционно пренебрегала, заменяя ее футболкой с моего плеча, и сейчас моя ненаглядная сверкала девичьими прелестями, сонно переставляя ноги по ступенькам. Я залюбовался зрелищем, попутно мысленно велев взъерошенному Петровичу заткнуться. Кот посылу внял, но обиделся – с независимым видом прошествовал к входной двери и нырнул в специально для него устроенный лаз, попутно своротив мой сапог. Ладно хоть пометить его постеснялся, а то с него станется.

– Доброе утро, любимая!

– Денисов, ты свинья!.. – зевнула любимая в ответ, прикрыв рот ладошкой, и от души потянулась.

Маловатая для нее футболка натянулась на груди, рельефно выделив соблазнительные округлости, и я, мысленно плюнув на завтрак, подошел к девушке. Обнял, возбужденно дыша в ухо, и она наконец окончательно проснулась:

– Денисов, шалунишка! Тебе вчера не хватило?!

– Не-а…

В общем, завтракать мы сели еще через полчаса. Хорошо,

что я будильник завел на полседьмого, а то опоздали бы на службу.

– Хорошо блинчики разогрел, молодец! – снизошла Галя до похвалы, утолив голод. – А вот кофе так и не научился толком варить.

– Будешь ныть, в следующий раз вообще растворимый налью, – огрызнулся я.

Вот не понимаю ее нежной любви к густому горькому напитку, консистенцией и цветом больше напоминающему отработанное машинное масло, чем нормальный, я бы даже сказал, человеческий кофе со сливками. Себя-то я в этом продукте не ограничивал, чем неизменно вызывал презрительную ухмылку ненаглядной.

– Все было очень вкусно, милый, – включила Галя, как она выражалась, девочку-лапочку, чмокнула меня в щеку, склонившись над столом и чуть было не макнув грудь в блюдце с джемом, и выпорхнула из кухни, напоследок сверкнув загорелыми ногами и тем, что немного выше. Футболка озорно взметнулась, но девушка не обратила на это внимания, спеша в ванную.

Времени до начала рабочего дня было в обрез, поэтому я сгрузил грязную посуду в мойку (Галя чисто по привычке вечером вымоет) и прошел в спальню на первом этаже, которую приспособил под рабочий кабинет и склад всяких полезных в хозяйстве вещей. Имелся тут и стандартный оружейный сейф, позаимствованный в расположении Охотни-

ков: каждый день мотаться в часть было муторно, и я по согласованию с начальством держал собственный арсенал дома. Разве что боеприпасов хранил необходимый минимум, по мере использования затариваясь у тех же Охотников.

Сегодня нам с Петровичем предстоял выход в поле, так что пришлось облачиться в стандартную егерскую броню, смахивавшую на пластиковые мотоциклетные доспехи, разве что с покрытием-хамелеоном. От риска перегрева предохранял проверенный термокомбез, угольно-черный ворот которого наподобие водолазки торчал из куртки. Ничего, шлем надену, и видно не будет.

Отперев сейф, я несколько мгновений любовался его содержимым. Как я успел уже убедиться, на бесчисленных островках, щедро рассыпанных по окрестностям, крупных животных не водилось. Кое-где пляжи и торчащие из воды камни оккупировали местные псевдотюлени, в море частенько попадались здоровенные хищные рыбины вроде земных барракуд, но такое явление, как акулы, на Нереиде отсутствовало как класс. В принципе по здешним клочкам суши вообще можно в обычном камуфляже разгуливать без особого риска, вся моя сбруя не более чем дань уважения должностным инструкциям. Посему за штатный егерский штуцер – «меркель», между прочим – взгляд не зацепился. Пускай лежит, целее будет. Боеприпасов к нему очень мало, все же нестандарт, от «вихрей» Охотников унитары не подходят, а на склад им еще не завезли – я всего лишь неделю назад заяв-

ку оформил. Не глядя цапнул кобуру с неизменным АПС-17, приладил на правое бедро. Для самообороны за глаза. Нож выживания устроился на левом бедре, своем обычном месте. Немного подумав, содрал с куртки почи под магазины к штуцеру и заменил их четырьмя нейлоновыми патронташами на липучках – каждый на пять патронов. Еще один такой же закрепил на прикладе купленной не так давно у симпатичной брюнетки Жанны двустволки-вертикалки. Ружье красовалось вмонтированной в цевье латунной бляшкой с логотипом фирмы-изготовителя – «Ле Февр». Сработали его местные умельцы, причем весьма качественно. На третий день по прибытию я озаботился пристрелкой и результатом остался доволен. Надежный ствол, по нашим задачам хоть куда. Оставалось лишь закинуть за спину дейпак со стандартным набором и притороченным к нему мачете в ножнах, взять под мышку шлем и выйти в коридор.

С мансарды доносилось недовольное бормотание – Галя, по своему обыкновению, разыскивала утерянный накануне инфор.

– Любимая, тебя ждать?! – крикнул я, одновременно выискивая взглядом Петровича.

В поле зрения кот отсутствовал, и я направился к двери, так и не получив ответа ненаглядной. В принципе сегодня нам по пути, так что лучше подожду, потом нытья меньше будет. Прислонив ружье к стене, я привычно влез в сапоги, отработанными до автоматизма движениями зарастил швы

на голенищах и попрыгал, проверяя подгонку снаряжения. Вроде ничего не гремит… Повесив вертикалку на плечо и нахлобучив шлем, вышел из дома и привычно отпер крохотный гараж. В уютном закутке стояли два одинаковых скутера – очень удобный для наших целей транспорт. Их нам с Галей по первому требованию выделил все тот же Кульман. Правда, мой «мопед» пришлось немного модифицировать, приладив сзади корзину из частой сетки. В ней я возил Петровича, когда он изъявлял желание полениться.

Едва я выкатил скутер из гаража, как появились оба рыжих: Петрович спрыгнул откуда-то сверху, похоже, что с крыши, и заскочил в родную корзинку, одновременно с ним Галя хлопнула входной дверью. Выглядела она гораздо свежее, чем за завтраком. Бледно-голубой комбез местных биологов сидел на ней как влитой, и я невольно залюбовался точеной фигурой. Девушка тряхнула непокорной рыжей копной и смерила меня лукавым взглядом:

– Все никак не угомонишься? Терпи теперь до вечера.

– Всенепременно, – хмыкнул я и оседлал скутер.

Мощный электромоторчик еле слышно загудел, отозвавшись на нажатие пуска, так что мне осталось лишь отпустить педаль тормоза и крутануть ручку акселератора. Скутер послушно сорвался с места, едва не окатив замешкавшуюся Галю фонтаном мелких камешков.

– Кто последний, тот готовит ужин!

Пока что счет у нас был почти равный – четыре три в мою

пользу. Галя чертыхнулась и помчалась следом.

Начинался новый рабочий день, за вычетом четырех выходных уже девятый по счету.

Система тау Кита, планета Нереида, 18 декабря 2537 года, тогда же

До купола биолаборатории добрались практически одновременно, так что я решил проявить благородство и зафиксировал ничью. Галя с этим предложением нехотя согласилась, и мы втроем направились к центральному шлюзу, оставив скутеры в длинном ряду точно таких же машин. Маршрут за неполные две недели стал привычным, но местный персонал на нас с Петровичем все еще реагировал не совсем адекватно – напрягал мой воинственный вид. Никто кроме меня не разгуливал по лаборатории вооруженным, двое Охотников обычно сидели в закутке у главного входа и далеко не уходили. Я же имел привычку заявляться на планерки полностью экипированным, разве что шлем в помещении снимал.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от вчерашнего: в малом брифинг-зале уже разместились руководители направлений и начальники исследовательских партий, и хмурый доктор Робинсон как раз врубил проектор. Директор базы эти сборища игнорировал, собирая у себя начальников отделов раз в неделю, обычно в понедельник. Собственно, ничего нового мы в ближайшие полчаса не услышим, при-

мерный план работ был озвучен еще накануне. Сегодня он будет доведен до сведения исполнителей официально, и озадаченный народ разойдется по кабинетам, лабораториям и прочим интересным местам. Гале здесь делать было нечего, и она сразу направилась к капсуле скоростного лифта, который соединял с основным корпусом подводный модуль, расположенный с той стороны скальной гряды. В принципе, к нему можно подобраться и по морю, но в этом случае дорога растянулась бы на час с лишним.

По логике мне бы тоже сюда таскаться не следовало. Но я числился отдельной боевой единицей, не подчиненной командиру Охотников капитану Отто Поттингеру, посему приходилось присутствовать и самостоятельно получать задание на предстоящий рабочий день. Сегодня все оказалось столь же скучно и банально, как и вчера, и за день до этого. Робинсон ограничился одной фразой в мой адрес: выдвинуться в составе поисковой партии доцента Раскольникова на остров с координатами такими-то, номер по каталогу такой-то, и провести разведку местности. За прошедшие дни я уже трижды участвовал в аналогичных миссиях, так что сейчас лишь молча кивнул в ответ, дескать, понял. Впрочем, Робинсон уже переключил внимание на следующего подчиненного, и мне оставалось только ждать завершения планерки. Петрович дисциплинированно сидел под моим стулом и даже не пытался слинять – смирился с ежедневным ритуалом.

Наконец все формальности были соблюдены, Робинсон

вырубил проектор, и народ загремел стульями, торопясь вырваться на свободу. Мы с напарником благоразумно пропустили вперед основной поток и спокойно вышли в белоснежный коридор, где и уткнулись в того самого доцента Раскольникова – здоровенного мужика с буйной шевелюрой и жидкой бородой, которая почему-то росла клочками. Однако Валентина это не смущало, и он категорически не желал расставаться с сомнительным украшением. В двух миссиях из трех мы работали совместно, так что уже успели наладить дружеские отношения.

– Здравствуй, зверь! – торжественно поприветствовал Раскольников Петровича, не поленившись нагнуться и почесать кота за ухом. Это тоже уже успело превратиться в своеобразный ритуал. – Привет, Олег. Опять за нами увязался?

– Здоров! – Я пожал ладонь-лопату и хмыкнул: – Все претензии к Робинсону. Или кто там у вас план составляет. Надеюсь, сегодня будет не так уныло, как в прошлый раз.

– Размечтался! – закатил глаза доцент. – Знаю я этот островок, были мы уже там, в прошлом году еще. Палец, мля! Достала уже эта политкорректность. Мы его гораздо проще называем, правда, непечатно получается.

– А что, похож?

– Сам увидишь, – отмахнулся Валентин. – Этот фаллический символ торчит посреди острова, видно издалека. Все, хорош прохлаждаться, катер уже ждет.

Раскольников решительно развернулся и потопал к выхо-

ду в стартовый комплекс, рассекая людской поток с неумолимостью линкора. Мы с Петровичем пристроились к нему в кильватер и благополучно выбрались на свежий воздух. На бетонированной площадке, одной из длинного ряда, красовался хорошо знакомый мне легкий катер, являвшийся одновременно богато оснащенной передвижной лабораторией. У раскрытого люка пассажирского салона уже топтались двое неизменных спутников доцента Раскольникова – Валерка и Роберт, младшие научные сотрудники и по совместительству аспиранты.

– Кто сегодня водитель кобылы? – поинтересовался я, пожимая руки коллегам.

Петрович по традиции распушил хвост и фыркнул в ответ на приветствия.

– Серегина смена, – сказал Роберт и полез в салон. – Шеф, все готово, можем выдвигаться.

– Датчики не забыли? – строго уточнил Валентин, протискиваясь между двух рядов кресел. – А то вплавь за ними возвращаться будете.

– Как можно, шеф! – возмутился уже Валерка.

– Ты бы вообще молчал в тряпочку, балаболка! – отрезал доцент.

Успевший развалиться в одном из кресел Петрович с негодованием взвыл, подтверждая справедливость возмущения ученого: в прошлый выход ушлые аспиранты «забыли» ящик со сканирующими головками на складе, и нам

пришлось отказаться от половины запланированных опытов. Парням, конечно, досталось, но перспективный клочок суши остался без постоянного мониторинга, а повторно туда вернуться не позволял строгий график работ. Мысленно пожелав Петровичу быть терпимее к окружающим, я согнал его с облюбованного кресла и устроился в нем сам. Напарник в отместку запрыгнул на колени к Роберту. Тот ничего против не имел, чем рыжий нахал и воспользовался.

В переборке ожил обзорный экран, и на нас строго глянул пилот Серега – серьезный молодой парень, аккуратно упакованный в штатный летный комбез с символикой «Генезис-3000». В отличие от сменщика, жизнерадостного раздолбая Эда, предпочитавшего яркие футболки с провокационными надписями и легкомысленные бейсболки, Серега был аккуратистом во всем, в том числе и в пилотировании, чем несказанно меня радовал. С ним я был уверен, что катер не ухнет в пике в самый неподходящий момент или не начнет выписывать фигуры высшего пилотажа, обходя стайку местных псевдочаек. Такими штучками грешил Эд, за что неоднократно ловил в бубен, Серега же предпочитал «поспешать не спеша» и был надежен, как сейф в швейцарском банке.

– Все в сборе? – осведомился пилот, хотя прекрасно видел салон на дисплее. – Не забываем пристегиваться. Стартовая готовность. Экипаж желает приятного полета.

– Эй-эй-эй! – спохватился Валерка. – А где охрана? Или они отдельно сегодня летят?

В ответ люк отсека содрогнулся от тяжелого удара и распахнулся, пропустив двоих Охотников в полном снаряжении. Этих парней я не знал, хотя и видел в расположении, так что машинально кивнул в ответ на приветствие и потерял к ним интерес. Охотники заняли оставшиеся кресла, и Серега врубил антиграв, выводя катер в стартовый коридор. Через несколько секунд взревели маршевые движки, выплюнув из сопел струи ионизированного газа, и наш летательный аппарат рванул с места в карьер, стремительно набирая высоту.

Дорога заняла минут двадцать, я даже не успел толком заскучать, заняв себя проверкой снаряжения и прогонкой тестов. Петрович прекратил валять дурака, вернулся ко мне, и я оснастил его приемо-передающим модулем – ажурным ободком причудливой формы, крепящимся у кота на голове. Коннектор уже торчал в гнезде шлема, так что оставалось только запустить стандартную тестовую программу. Коллеги уже были свидетелями этой процедуры и не удивились, продолжая болтать о чем-то своем, а вот Охотникам зрелище было в диковинку, один даже забрало шлема откинул, чтобы лучше видеть. Впрочем, парни оказались понятливыми и процессу не мешали, предпочитали молча смотреть. К тому времени, как я закончил с формальностями, катер уже начал снижение. Педантичный Сергей действовал в полном соответствии с инструкциями: после двух разведывательных кругов вырубил маршевые движки и аккуратно посадил катер на симпатичной полянке, образовавшейся посреди густых заро-

слей. Вид с курсовых камер он вывел на обзорный экран, так что пассажиры могли наблюдать все маневр, равно как и остров. Вынужден признать, Валентин был прав: в самом центре островка торчала скала узнаваемой формы, разве что, в отличие от прототипа, грязно-серая, базальтовая. Она была со всех сторон окружена растительностью с темно-фиолетовой листвой, что еще более усиливало ощущение, что под островом залег озорной великан, решивший таким образом показать свое отношение к миру.

Несколько минут результаты телеметрии, поступающие со сканирующей системы, обрабатывал «мозг» катера в режиме реального времени, потом над люком загорелась надпись «готовность», и бронедверь скользнула вверх. Охотники в загерметизированных скафандрах выбрались из салона и неторопливо разошлись в стороны: ритуал первичного осмотра места высадки выполнялся неукоснительно даже на самых приветливых планетах. Люк за их спинами сел в пазы, отрезая пассажирский отсек от потенциальных угроз, и нам осталось только ждать. Минут через пять разведчики дали «добро» на выход, и ученые оживленно зашевелились, выбираясь из кресел.

Я согнал Петровича с колен и вслед за ним выпрыгнул на роскошный травяной ковер, ничуть не похожий на растительность земных тропических джунглей. Еще одна странность, свидетельствующая в пользу гипотезы о затонувшем материке: почти все острова имели плодородный слой из

жирного чернозема, хоть и достаточно тонкий – сантиметров тридцать. Видимо, верхние слои за последние тысячелетия частично выветрились, частично их смыло в море, но превратиться в царство песка и глины местная суша еще не успела.

Рядом с катером царила атмосфера нормального рабочего бардака: аспиранты суетились у распахнутого багажного отделения, выволакивая кофры из гофрированного пластика, свертки, ящики и коробки, и сваливали это все в кучу, возле которой скалой возвышался Валентин. Доцент благодушно щурился, подставив лицо солнышку – его черед настанет часа через два, когда помощники развернут многоконтурную систему мониторинга, и начнут поступать первые данные.

Охотники неторопливо курсировали по периметру поляны, пока что с подозрением поглядывая на кусты, но не пройдет и получаса, как они завалятся на травку в тени катера. Разве что спать не будут, чтобы в случае опасности – как показывал опыт, чисто гипотетической – успеть на нее среагировать. Педант-Серега копался в мешанине оптоволоконных шлейфов, торчащих из аккуратно извлеченной из пульта панели – видимо, магнитола барахлит или еще что-то из той же оперы. Если бы было что-то серьезное, фиг бы мы с базы улетели, с его-то характером. Я усмехнулся, представив на его месте Эда. Тот бы уже давно разложил легкое каркасное кресло и потягивал пиво из жестяной банки, ибо бутылочное не признавал, да еще бы отвлекал от работы Валерку с

Робертом. Воображаемая картинка получилась очень живой: развалившийся в кресле Эд с закинутыми на плоскость тощими ногами блаженно щурится на солнышко и почесывает свободной рукой живот. Отогнав соблазнительное видение – сам бы не отказался так позагорать, – я отошел от катера на десяток шагов, загерметизировал шлем и активировал баллистический вычислитель, скрутив кукиш на правой руке. Комп ожил, выдав на дисплей с внутренней стороны забрала схему острова, на которой уже были отмечены все участники поисковой партии. Ага, местный GPS работает нормально.

– Петрович, рядом!

Кот перестал гоняться за псевдобабочкой с пестрыми крыльями и пристроился слева от меня. ППМ перешел в рабочий режим, в углу дисплея развернулась миниатюрная картинка с его камеры. Удостоверившись, что «ле февр» заряжен – на всякий случай я использовал патроны с картечью, – я повесил ружье на плечо по-охотничьи, чтобы и не мешало, и можно было быстро изготовить его к стрельбе, и шагнул к ближайшим зарослям. Проникшийся ответственностью момента Петрович слился с травой, и теперь его местоположение можно было вычислить лишь по задранному хвосту. И то если разглядеть сумеешь.

Заросли оказались не такими уж и густыми – между отдельными кипами кустов можно было проскользнуть, тем более с моими не самыми выдающимися габаритами. Уже через минуту поляна скрылась из вида, и я приступил к непо-

средственным обязанностям: врубил регистратор и дальше двигался, сначала сделав панорамный обзор, а затем по мере необходимости внимательно осматривая отдельных представителей островной флоры. Вычислитель автоматически составлял базу данных и в дальнейшем изученные растения уже не выделял, поэтому с каждым пройденным десятком метров новых объектов становилось все меньше и меньше. Минут через двадцать неспешной ходьбы мы с напарником перешли в режим прогулки: Петрович убегал на пару десятков шагов вперед, делал в кустах круг и возвращался ко мне. В результате каждого такого забега комп выделял один-два новых объекта, к которым я и выдвигался. После осмотра очередного кустика цикл повторялся.

Растительный мир острова оказался довольно богат, но от флоры посещенных ранее объектов почти не отличался – в принципе ничего удивительного, пока что мы действовали в одной и той же климатической зоне. Месяца через три работы в таком режиме придет очередь островов, лежащих южнее, там самую чуточку прохладнее, да и состав почв иной. Тогда и будем искать отличия.

Животный мир был представлен куда скромнее. Пернатых тут было чуть менее чем до фига: они перепархивали с ветки на ветку, срывались с вершин деревьев шумными стайками, периодически даже с земли вспархивали из-под лап Петровича и с завидным упорством пытались нас обгадить. Не со зла, конечно, но от всех мало-мальских птичьих ком-

паний я старался держаться подальше. В основном это были псевдопопугаи, похожие на Карлушу, но разных размеров и самых причудливых расцветок. Один раз Петрович спугнул местного кролика – того самого, сумчатого и несущего яйца. Серо-черная камуфляжная шкурка неплохо его маскировала, пока он не двигался, но на бегу высоко взбрыкивающие задние лапы и куцый хвост на фоне темной растительности выделялись яркими белыми пятнами.

Кстати, листва у растений вовсе не была фиолетовой. Вернее, фиолетовой была окантовка листа или стебля и сетка прожилок, а вот между ними располагалась обычная живая ткань с привычным зеленым хлорофиллом. Это цветовое сочетание издали смещалось в фиолетовую часть спектра, вводя в заблуждение людей несведущих. Да кому я рассказываю, сам в первый день попался.

Насекомых тоже было море, попадались и довольно крупные экземпляры. В их предельно отвратных вкусовых качествах мы с Петровичем убедились еще в первый выход: не почуяв подвоха, мой напарник попробовал на зуб соблазнительного жука, так его чуть не стошнило. Меня тоже – до сих пор всплывает противный привкус на языке. Это насколько же хреново было моему питомцу, если даже я скривился от омерзения! А ведь я уловил лишь слабый отголосок сигнала кошачьих вкусовых рецепторов! Хорошо хоть файервол был включен в коннекторе, а то вычищай потом шлем. Радовал тот факт, что у островных насекомых пока отсутствовали

ярко выраженные морфологические отличия – из-за относительной молодости архипелагов? – поэтому ловить мурашей не пришлось: такие образцы уже имелись в коллекции зоологов. Разве что вычислитель без моего вмешательства вел статистику, но мне это совершенно не мешало.

Удалившись от стоянки катера примерно на километр и осмотрев все встретившиеся по пути биоценозы (даже в заиленный ручеек залезть не поленились, правда, кроме тины и водорослей, ничего в нем не обнаружили), я решил сменить тактику. Ничего особо примечательного вокруг не наблюдалось, поэтому я приказал Петровичу перейти в режим патрулирования и направился по азимуту к торчащей в центре острова скале. Вся информация с моего вычислителя шла прямиком в главный «мозг» базы на Флоранс, и по идее нас в режиме реального времени должен был «вести» кто-то из ученых. Но на Нереиде, учитывая наличие данных первичного исследования, этой нормой пренебрегали, предпочитая в спокойной обстановке пересмотреть записи, буде в них обнаружится что-то интересное. Я, признаться, долго к этому не мог привыкнуть, вот и сейчас подсознательно ожидал оклика куратора, но, ясное дело, не дождался. Смирившись с таким пренебрежением должностными инструкциями, я углубился в чащу вслед за Петровичем. Судя по картинке с его ППМ, ничего стоящего внимания, а тем паче опасного в непосредственной близости не было.

Напарник, почуяв свободу, ускакал чуть ли не на кило-

метр вперед, потом вдруг стал нерешительно топтаться на одном месте – судя по плану на дисплее, вблизи той самой фаллической скалы. Подгоняемый любопытством, я перестал глазеть по сторонам и целенаправленно начал ломиться сквозь заросли, обходя разве что совсем уж большие деревья и торчащие кое-где валуны. Вообще-то странно видеть такие камни в джунглях на тропическом острове, обычно они свидетельствуют о зонах прохождения ледника. Еще один фактик в копилочку, между прочим. Минут через десять я добрался до места, спугнув по пути пару зайцев и несметное количество птиц, но комп ничего нового не засек, так что отвлекаться не пришлось.

Джунгли кончились внезапно, как отрезанные: между стеной деревьев и серым базальтовым массивом протянулась широкая «полоса отчуждения», поросшая чахлой травой. Здесь же обнаружилась россыпь валунов самых разных размеров. На одном из них изображал столбик Петрович – весьма характерная поза: уши торчком, голова наклоняется то влево, то вправо, как будто кот пытается что-то рассмотреть в подробностях, но никак не выберет нужный ракурс, а хвост беспокойно хлещет по камню. До того задумался, что машинально вернул шерсти естественный цвет и сейчас ярко выделялся на гладкой макушке валуна. Интересно, чего это он почуял? На всякий случай присев под кустом (покрытие-хамелеон послушно превратило скафандр со шлемом в пестрый зелено-фиолетовый ковер), я взял ружье на изготовку и

шепнул в микрофон:

– Обстановка.

Петрович прижал уши, но вместо внятного доклада динамики выдали короткую фразу:

– Там… мррр… Стрррранное?..

Тягучий синтезированный тенор необъяснимым образом сумел передать вопросительную интонацию, но я и так видел, что напарник не на шутку озадачен. Включив «стереорежим» и развернув окошко камеры ППМ на ползабрала, я уточнил задачу:

– Цель. Наблюдение.

Петрович мотнул рыжей башкой, отчего изображение на левой половине дисплея дернулось, и уставился куда-то на вершину скалы.

Надо сказать, что вблизи она уже не походила на некий мужской орган – видимо, из-за размера: с моей позиции я видел уходящую почти вертикально вверх изъеденную ветром базальтовую стену, самой природой приспособленную под птичий базар. Но пернатые почему-то думали по-другому и облетали каменюку стороной. По крайней мере, даже следов помета я на ней не обнаружил, не говоря про гнезда. Судя по показаниям сканера, с нашей стороны «палец» возвышался на тридцать два метра и имел в диаметре у основания около пятидесяти, постепенно сужаясь к вершине. Активировав рабочее пространство, я вывел на свободную половину дисплея трехмерную модель острова и принялся

вращать ее вокруг оси, рассматривая со всех сторон. Точно, ракурс неудачный. Если скалу обойти, то можно и схулиганить: оставить на какой-нибудь ветке оптический датчик, навести его на вершину, а самому подняться наверх. Фотка получится пикантная, к гадалке не ходи. Ладно, замнем для ясности. Пока что не до шалостей, Петрович озадачился не просто так.

Заставив кота осмотреть всю скалу, я врубил увеличение и уже собственными глазами обшарил вершину, но так ничего подозрительного и не обнаружил. Остался последний способ…

– Петрович, взять!

Кот маханул с валуна, в полете изменив окрас на серый, и ужом заскользил между скальными обломками, прильнув к земле. Кончик вытянутого в струнку хвоста огибал встреченные препятствия, ни разу не задев даже мелкий камешек, и вскоре я потерял напарника из вида, сосредоточившись на картинке с ППМ. Еще в детстве я видел по телику передачу про обычных мышей. Там к одной зверушке прицепили камеру, запустили ее в нору, и мышь устроила забег по узкому лабиринту. Ощущения были незабываемые. В случае с Петровичем аналогия полная: он, когда хотел остаться незамеченным, выбирал самый извилистый путь. Получился этакий марш-бросок по пересеченной местности. С непривычки кто-то на моем месте запросто мог потерять ориентацию в пространстве, но мы с напарником долго репетировали, так

что для меня зрелище успело уже стать банальным и дискомфорта не вызывало.

Кот быстро добрался до подножия скалы, обежал ее слева и отыскал удобную тропинку, вившуюся почти до верха. Для такого ловкача, как Петрович, подъем трудностей не представлял, и мой напарник принялся изображать горного козла, умудряясь удерживаться даже в самых узких местах. Где не справлялась уникальная координация, помогали когти. Он на шестой этаж по пенобетонной стене забирался, когда мы в санатории отдыхали, а тут какой-то базальт, к тому же порядочно подточенный ветром. В общей сложности на подъем кот потратил минуты три, причем последние несколько метров он буквально крался. Оказавшись на более-менее плоской вершине, Петрович окончательно слился с поверхностью камня и пополз к противоположному краю площадки. Осторожно высунул голову, пошарил глазами – я на пару секунд отключил мимикрию, и напарник меня успешно засек, как и я его. А потом кот нашел взглядом то самое «Стрррранное?..», и я озадаченно чертыхнулся.

Надо сказать, было от чего. На небольшом выступе в паре метров от любопытного кота расположилось крайне необычное для местных островов существо: крупная тварь типа летучей мыши с роскошными перепончатыми крыльями, блестящей черной шерстью и головой, украшенной огромными ушами-локаторами. «Мышь» лежала пластом, расправив крылья, и отблески местного солнца играли на антрацито-

во-черной поверхности. Дохлая? Или у нее на крыльях солнечные батареи? Не, бред. И вычислитель молчит, что характерно. И что делать?..

Пока я задавался этим извечным вопросом, Петрович решил проявить инициативу. Синтезатор уверенно выдал: «Стрррранное!!!», и кот сиганул с вершины, в полете раскорячив лапы с выпущенными когтями. Меня чуть не замутило – на дисплее земля стремительно понеслась навстречу, – но мой напарник знал, что делает: приземлился он удачно, практически на хребет твари. По крайней мере, мне так показалось. Но «летучая мышь» имела на этот счет собственное мнение – она умудрилась неведомо как почуять нападение и сместилась в сторону. А вот сгруппироваться для полета не сумела, и Петрович вместо спины вцепился зубами в кончик правого крыла, попутно располосовав когтями перепонку в крайнем сегменте. Существо гортанно каркнуло и, оступившись, рухнуло со скалы, увлекая за собой горе-охотника.

– Пипец котеночку, – потрясенно пробормотал я, борясь с дурнотой: не успел свернуть окошко ППМ и теперь сполна наслаждался ощущением свободного падения.

В отличие от меня, Петрович вовсе не считал ситуацию критической: пока тварюга пыталась расправить крылья, чтобы выйти из пике и уйти в планирование, он подобрал под себя задние лапы и от души прободроздил тушку – длины его тела как раз хватило, чтобы дотянуться. «Лету-

чую мышь» закрутило в воздухе, образовался комок из двух сцепившихся тел, и этот комок дважды приложило о скалу, прежде чем он рухнул на пологий склон, начинавшийся где-то на трети стены, и скатился к подножию. На втором ударе Петрович на мгновение отрубился, но зубы и когти не разжал, всего лишь вернул шерсти естественный цвет, так что внизу оказался черно-рыжий мячик, распавшийся на потрясенную зверюгу и утробно воющего кота, висящего на крыле. Чертов мутант, я чуть в штаны не наделал, а Петровичу хоть бы хны!..

Между тем тварь тоже оклемалась, выпростала из складок на брюхе две мощных ноги типа страусовых и вприпрыжку понеслась к кустам, помогая себе свободным левым крылом и волоча правое вместе с офигевшим Петровичем. «Мышь» оказалась крупной, повисший на ней кот смотрелся бультерьером на бегемоте и совладать с ней самостоятельно не мог. Отпустить же не желал – когда еще такой богатый трофей попадется?

М-мать! Уволочет же напарника, где его потом искать буду?! Конец моим колебаниям положил взмах правого крыла: Петрович описал в воздухе дугу и шмякнулся оземь. Я вздохнул было с облегчением, но чертов котяра и не подумал разжать зубы, предпочитая смерть бесславному поражению. Тварь спорить не стала и просто повторила свой трюк. В этот раз в груди у Петровича отчетливо екнуло – я через микрофон ППМ все слышал.

– Блин! – взвыл я, вспомнив, что в ружье картечь, но от своего намерения не отказался: вскинув «ле февр» к плечу, поймал тварь в прицел и нажал на спусковой крючок.

Верхний ствол выплюнул десяток картечин, и именно в этот миг тварь дернулась. Впоследствии, вспоминая этот эпизод, я мог поклясться, что она почувствовала выстрел на мгновение раньше, чем я шевельнул пальцем. Но этого оказалось недостаточно: картечная осыпь, миновав тело, ударила аккурат в середину крыла, напрочь перебив кость и порвав перепонку. Петровича спасло чудо – ничем иным объяснить отсутствие попаданий я не мог. Через долю секунды они уже летели в разные стороны: покалеченная тварь с громким клекотом рванула к кустам, а кот с отстреленным куском крыла кубарем покатился в мою сторону.

Я выпалил вдогонку, но мистическим образом промазал, и «летучая мышь» скрылась в зарослях, пятная землю странной бурой жижей, хлещущей из оторванной конечности. Я в очередной раз удивился: у местных псевдомлекопитающих кровь вполне себе красная, без экзотики, да и у птиц тоже. Не прекращая контролировать кусты, перезарядил ружье – опять картечью, дробь в данной конкретной ситуации вообще не в тему – и мимолетом пожалел, что не взял с собой штуцер. Тогда бы тварь досталась биологом целиком, хотя и во фрагментарном виде. Ну да им не впервой, собрали бы.

Впрочем, и сейчас есть чем ученых порадовать: в паре шагов от меня очухавшийся Петрович с характерным воем тре-

пал обрывок крыла. В такой ярости я его еще никогда не видел, даже по весне в разборках с конкурентами он вел себя этак брезгливо-снисходительно, прекрасно осознавая свое превосходство. А сейчас мой напарник прямо-таки сочился ядом: уши прижаты к голове, холка вздыблена, хвост метет пыль.

– Петрович, хорош! – Я осторожно шагнул к питомцу, пытаясь одновременно послать успокаивающий импульс: урчащий кот на коленях у хозяина, ласковая рука почесывает за ушами. – Отдай мне эту гадость.

– Урррмммм!!! – злобно взвыл Петрович и ощерился.

– А сапогом по заднице?! – возмутился я, сопроводив слова красноречивой картинкой.

Кот не впечатлился. Ну и хрен с тобой, надоест – сам отдашь. Я демонстративно повернулся к напарнику спиной и принялся разглядывать следы беглой твари. Надо сказать, примечательные следы: отпечатки трехпалых лап с мощными когтями тянулись отчетливой цепочкой, рядом неровная полоса из бурых клякс. Ладно, пока Петрович не в духе, будем довольствоваться малым. Я извлек из кармана специальный пакетик для сбора образцов, подцепил ножом одну из клякс вместе с изрядным шматом чернозема и упрятал благоприобретенное «сокровище» в набедренный карман. Все-таки очень странная тварь. Я даже больше скажу, таких не бывает. Летающему существу ни к чему столь чудовищные ноги, приспособленные к быстрому бегу. К тому же, судя по

строению пальцев, конечность была еще и хватательной, что вообще не укладывалось ни в какие рамки. Хотя летучие мыши, они же вниз головой спят, вцепившись когтями в свод пещеры. Да ну, бред! Сбежавшая тварюга явно слишком тяжелая для этого дела, тут никакие когти не выдержат.

Петрович взвыл особенно гнусно, и во рту у меня стало так гадостно, что я едва успел сорвать с головы шлем и согнулся в три погибели, выблевав завтрак. Выпрямился, тяжело дыша, и почуял хорошо знакомую вонь, как будто кто-то разбил протухшее яйцо на горячую сковородку. Да что за?.. И когда, наконец, я нормально фильтры в коннекторе настрою?!

Кое-как нахлобучив шлем с откинутым забралом – вонь вонью, а совсем уж осторожность терять не след, и так уже накосячил, – перевел взгляд на виновника переполоха. Нахохлившийся Петрович сидел рядом с окровавленным шматом, совсем недавно бывшим куском крыла, и обиженно порыкивал, ежесекундно отфыркиваясь и теребя нос лапой.

– Ну вот, а ты, скотина неблагодарная, отдавать не хотел, – пожурил я питомца, выискивая в рюкзаке пакетик пообъемнее и не забывая отплевываться. – Что-то подозрительно быстро протухло… Ничего не напоминает?

Вместо ответа Петрович попятился от трофея, всем своим видом излучая брезгливость. И таки было от чего, как сказал бы Миша Кульман: крыло, в особенности перепонка, вздулось тошнотными пузырями, как от ожогов, и когда какой-то

из них лопался, в воздухе расходилась очередная волна зловония. За считаные секунды разложились почти все покровные ткани и обнажились черные от запекшейся крови кости и белесые (!) жгуты мышц. На этом процесс замедлился, хотя амбре никуда не делось. Пришлось, прежде чем запихать добычу в мешок и удалить из него специальным девайсом воздух, загерметизировать шлем и включить фильтрацию. В вакуумной упаковке крыло благоухать перестало, но все равно хватало витавшего в воздухе душка.

Пока я орудовал пробником, мысли немного упорядочились и сформировались в неутешительный вывод: сбежавшая тварь очень походила на биороботов, с которыми нам пришлось столкнуться на Находке. Правда, само собой напрашивалось еще одно умозаключение: биоробот этот был менее совершенен, чем создания искина Первых. Судите сами: нехарактерная для местных обитателей внешность и функциональность, подозрительно бурая «кровь», сверхбыстрое разложение – какие еще нужны доказательства? Хотя…

– Петрович, мой рыжий друг, а ты почему решил, что тварь «стрррранная»?

Кот презрительно фыркнул, и синтезатор привычно протянул:

– Запаххссс… Фкуссс…

Ну да, это я бы даже без коннектора понял. А как еще расшифровать образ подозрительно принюхивающегося ко-

та, сменяющийся котом, пробующим бесформенный шмат на зуб и тут же сморщившимся от омерзения? Тем более что потом следовала примечательная тварь с уродливыми выростами-антеннами на голове. Помнится, именно такую Петрович порвал на Находке, когда случился инцидент с поисковой партией. Нам тогда пришлось попотеть, да и впечатлений набрались досыта: из шестерых человек личного состава живыми мы нашли лишь двоих, остальные приняли очень странную и неприятную смерть, хоть на премию Дарвина выдвигай.

– Петрович, сосредоточься. Вкус, запах – такие же или просто похожие?

Напарник в ответ изобразил целую гамму чувств, которую я интерпретировал как согласие с моим вторым предположением. Теперь понятно, откуда его нерешительность.

– Ладно, пойдем беглянку ловить. – Я перехватил «ле февр» поудобнее и поднялся на ноги. – Петрович, след.

Кот насмешливо фыркнул – дескать, сам не видишь, что ли? – но обязанностями пренебрегать не стал, послушно потрусил вдоль цепочки отпечатков лап, оставленных тварью. По привычке слился с кустами, включая боевой режим, и я поспешил следом – не хочу его из вида терять. ППМ легко отслеживается, только ну его на фиг, напарник у меня один.

По следу шли довольно долго. Беглая «летучая мышь» петляла по зарослям не хуже зайца, периодически забираясь на деревья и перепрыгивая с ветки на ветку, но ее выдавали

кровавые пятна и следы когтей на коре, так что сбить нас с толку ей не удалось. И это без учета феноменального кошачьего чутья, прошу заметить. Мне даже напрягаться особо не пришлось: Петрович в таких вопросах не ошибался, оставалось лишь идти за ним, подстраховывая на случай нападения из засады. Понятно, что кот почует притаившегося врага заранее, но такую вероятность исключать нельзя – вдруг тварь просто тупая, но сильная? Или, наоборот, слишком сообразительная: укроется с подветренной стороны и выпрыгнет в самый неподходящий момент, как это любят делать монстры в фильмах ужасов.

Никто на нас не напрыгивал, и я постепенно расслабился. Мысли упорно вертелись вокруг странного существа и не менее странных обстоятельств его появления. Больше всего напрягало молчание вычислителя. Здесь вывод мог быть только один, и очень неутешительный: тварь есть в базе данных. Я даже не поленился остановиться, врубить «виртуальный кабинет» и послать запрос, использовав скриншот с записи, но ответа не получил: «мозг» меня тупо проигнорировал. Подозрения крепли с каждым пройденным метром. Если предпосылка о базе данных верна, значит, информация о «летучей мыши» засекречена. А если еще учесть, что существо искусственное – не на сто процентов, но все же вероятность этого очень высока, – и увязать этот факт с первым, можно сделать следующий пугающий вывод: тварь вырастили на базе. Потому что больше просто негде. Разве что

в округе существует еще одна подпольная лаборатория, но тут я был согласен с Оккамом – не стоит плодить сущности.

Значит, на живописном острове Флоранс кто-то втихаря балуется с технологиями Первых. Занятно, но логично: незабвенный Сергей Семеныч, помнится, упоминал, что именно сюда стекается вся информация по означенной тематике. Так что я ничуть не удивлен. Собственно, некая недоделанность «летучей мыши» лишний раз подтверждает эту теорию. И еще один фактик, даже два – «наножучок» и нейролептик у мужика из торгового центра. Что там «внутренний искин» говорил: совпадение со стандартной технологией сколько-то процентов? Кстати, а почему сейчас промолчал? Сходства мало? Вполне может быть, кости и мышцы отстреленного крыла растворяться не торопились, в отличие от кожи… Больше всего, конечно, напрягало использование новинок против меня самого. Тут или кто-то с базы работает, или вообще можно дофантазироваться до полного отрыва от реальности, вплоть до инопланетного вторжения. А, на фиг все!!!

След вывел нас к скале, нависшей над водой, и здесь оборвался. Тварь с равной вероятностью могла как сигануть в море, так и отрастить крыло и улететь: утес отличался универсальностью и одинаково подходил для обоих вариантов. Мы с напарником этот сомнительный трюк повторить не решились, лишь обменялись понимающими взглядами, и я разочарованно выдохнул:

– Шабаш. Садись, партнер, отдыхать будем.

Со стороны острова склон был пологий, а на вершине каменюки имелась уютная площадка, укрытая мягким травяным ковром, так что я не отказал себе в удовольствии присесть на пару минут. Устроился поудобнее, привалившись спиной к ближайшему выступу, и блаженно вытянул ноги. Дейпак одарил меня упаковкой сухого пайка, и я с удовольствием зашуршал оберткой шоколадного батончика. И вот тут напарник удивил меня еще раз: обделив харчи вниманием, он выбрался на самый край узкого уступа, нависшего над меланхоличными волнами, и застыл в излюбленной позе столбиком. Ага, знакомые симптомы. Позиция номер три из типового егерского наставления по коммуникациям: ярко выраженное любопытство без проявления агрессии. Интересно, чего это он там высмотрел? Я для проверки пошуршал пакетиком «кошачьей радости» – концентрированного сухого корма, обогащенного витаминами и микроэлементами, кои охотничьи коты тратили в гигантских количествах, особенно в боевом режиме. Ноль внимания. Черт, меня такая задумчивость уже начинает пугать. Кого еще принесло на наши головы?

Любопытство пополам с тревогой вынудили меня подняться и подойти к краю утеса. На выступ к Петровичу я не полез – воспользовался преимуществом в росте. Проследив направление его взгляда, засек далеко в море несколько черных точек и в сердцах сплюнул:

– Петрович, ты афалин ни разу не видел?

Кот и ухом не повел, продолжая пристально всматриваться в водную гладь. Тьфу на тебя, зараза! Я раздраженно захлопнул забрало и врубил увеличение. При ближайшем рассмотрении никаких странностей не обнаружилось: стадо в десяток особей резвилось в проливе и гоняло рыбу. Афалины как афалины – очень похожи на дельфинов гринд, такие же горбоносые и с черным окрасом. Почему их здесь так обозвали, без понятия. На прототип не очень-то смахивают, да и мельче гораздо. Хотя нет, общими очертаниями тела и расположением плавников действительно более афалин напоминают, чем гринд. И грациозные, этого не отнять. Судя по слаженным действиям, еще и пересвистываются по ходу дела.

– Петрович, ты чего застыл? Обычные дельфины…

Напарник, не оборачиваясь, фыркнул, и коннектор в очередной раз выдал набившее оскомину «Стрррранное…», но в этот раз синтезированный тенор звучал удивленно.

– Эй, не пугай меня!

Я вновь всмотрелся в афалин, но повторное изучение резвящихся животных привело к прежнему результату – все в порядке. Я даже не поленился, зафиксировал изображение выпрыгнувшего из воды дельфина и отправил запрос «мозгу». Ответ пришел мгновенно в виде обширного описания, сдобренного голограммами и схемами, полностью подтвердив мой первоначальный вывод: типичные афалины, откло-

нений и увечий нет. Поведение в пределах нормы.

– Короче, Петрович! Команда «жрать» была для всех. Забиваешь – твои проблемы.

Я вернулся на насиженное место и занялся перекусом, время от времени бросая озабоченные взгляды на напарника. Тот торчал на уступе как приклеенный и присоединяться ко мне упорно не желал.

Покончив с едой, привычно собрал немногочисленный мусор в набедренный карман и нехотя поднялся на ноги. Петрович все так же увлеченно пялился на воду, не проявляя интереса к профессиональным обязанностям. Задумчиво присвистнув, я послал ему образ неспешно бредущего по берегу Егеря и со всех ног мчащегося следом взмыленного кота. Напарник раздраженно дернул ухом, типа отвали. Ну что ж, я предупредил.

Перехватив «ле февр» поудобнее, захлопнул забрало и побрел по склону к береговой линии. Удобный спуск к галечному пляжу отыскался метров через сто. Идти по гладкой полосе, усеянной мелкими окатышами, оказалось не в пример легче, чем продираться по кустам и прыгать с камня на камень, так что я незаметно для себя отмахал километра два, по пути автоматически примечая новых представителей флоры и фауны, в основном прибрежной. Из своеобразного транса меня вывел Петрович, сиганувший с обрыва у меня над головой – я как раз проходил мимо крутой осыпи, обнажившей базальтовые наслоения. Наверху плот-

но торчали местные деревья, отдаленно напоминавшие кипарисы, поэтому появление кота вышло неожиданным. Видимо, злопамятный напарник решил мне отомстить за внеплановую пробежку, а пять с небольшим метров для него не высота: он просто пару раз оттолкнулся от малозаметных выступов в камне, едва касаясь их лапами, и благополучно приземлился прямо передо мной, гордо распушив хвост.

– Явился! – хмыкнул я, перешагнув через питомца.

Тот без тени сомнения обогнал меня и умчался вперед, не дожидаясь команды «патруль».

– Хоть бы рассказал, чего это на него нашло, – задумчиво пробормотал я себе под нос.

Недавнее поведение напарника начисто выбивалось из любых наставлений, потому я и допустил вопиющее нарушение должностных инструкций. Или это на меня разлагающе действует спокойная обстановка? Черт, видел бы меня сейчас кто-нибудь из старых знакомых, тот же Коля Иванов, таких бы люлей выписал… Я раздраженно встряхнулся и принялся высматривать удобное для подъема место. Судя по карте, поляну с катером мы с напарником уже миновали, если сейчас пойти по азимуту, выйдем аккурат с противоположной от первоначального направления стороны.

Так и получилось. Преодолев широкую полосу пальмовых зарослей (хотя черт их знает, может, и не пальмы, а трава такая типа бананов), мы выбрались на знакомую полянку, где первым делом наткнулись на задумчивого доцента Расколь-

никова. Валентин пер на нас, сжимая в ручищах красный пожарный топор, и бормотал что-то вроде «Где эта чертова старушка?..», чем незамедлительно спровоцировал у меня разрыв шаблонов. Мы с напарником посторонились, пропуская ученого, но тот нас заметил и осведомился, поигрывая своим зловещим инструментом:

– Как успехи?

– В смысле? – Я аккуратно отошел на пару шагов, дабы ненароком не нарваться на топор, которым доцент размахивал с легкостью пушинки, видимо забыв, что он сжимает в ладони.

– Значит, все в порядке, – заключил Раскольников и побрел дальше в поисках неведомой цели.

– Валь?! – окликнул я его в спину.

– А?..

– Тебе топор зачем?

– Ах, это!.. Да я тут в прошлый приезд несколько кольев вырубил, потом сдуру бросил. А они прорасти уже успели. Вот я за новыми и пошел. Ты ж мою «старушку» видел, у нее половины стоек в комплекте нету.

Тьфу, блин! А ведь точно, я еще поинтересовался, чего Валентин не поменяет свою потрепанную палатку-полог на новую. Тогда он отговорился привычкой и нежной привязанностью к проверенной вещи, на что я только незаметно покрутил пальцем у виска. Сейчас же у меня на лице отразилось нешуточное облегчение, на что доцент скривился и

злобно сплюнул:

– Как вы меня достали! Еще один знаток классической литературы!

И ушел под мой гомерический хохот.

На шум из багажного отделения высунулся аспирант Валерка, с первого взгляда просек ситуацию и расплылся в злорадной ухмылке. Все ясно, ушлые парни уже наверняка успели подколоть шефа, вот он на меня и взъелся.

За время нашего отсутствия поляна преобразилась: ученые успели натянуть несколько пологов, под которыми развернули целый комплекс разнообразной аппаратуры, преимущественно в виде компактных кофров из рифленого пластика. Развалившийся в складном кресле Роберт контролировал сразу несколько переносных терминалов, периодически что-то выстукивая на дисплее планшетника. Валерка возился с какими-то железками, невнятно ругаясь, а меланхоличный пилот Серега разобрался с магнитолой и теперь пожинал плоды успешной работы, нацепив на голову огромные студийные наушники. И не лень ему такие с собой таскать… Охотников нигде не было видно: скорее всего, они оборудовали себе удобные наблюдательные пункты в кустах и дежурили посменно, радуясь халявному деньку. В наших условиях инструкция подобное позволяла, так что парни были в своем праве. Мельком позавидовав коллегам (еще бы, хоть отоспятся нормально!), я все же решил догнать разобидевшегося Раскольникова и поделиться с ним добычей, но не

успел сделать и десятка шагов, как глухой рев где-то наверху известил нас о прибытии гостей. Недоуменно обернувшись – кого еще принесло? – я увидел легкий патрульный катер, раза этак в три меньше нашего, всего лишь двухместный. Аппарат стремительно приблизился к поляне, вырубил маршевые движки, зависнув на антиграве, и аккуратно приземлился метрах в пяти от меня, перекрыв путь к отступлению. Люки с шипением распахнулись, выдавив из кабины поджарую фигуру в стандартном охотничьем снаряжении. Новоприбывший откинул забрало и быстрым шагом направился к нам с Петровичем. Я узнал лейтенанта Бесчастных – замкомроты Охотников по кличке Бес. Парень полностью оправдывал свое прозвище и мне не понравился с первой же встречи. Впрочем, мне он отвечал той же монетой.

– Денисов, стой! – рыкнул он, хоть я и не пытался сделать и шага. – Разговор есть.

Бесчастных был всего на год старше меня и в равном звании, поэтому такая фамильярность не была чем-то необычным. Другое дело, что он умудрялся со всеми, у кого звезд на погонах не больше, чем у него самого, общаться этаким брезгливо-пренебрежительным тоном, чем неизбежно бесил каждого второго собеседника. Других причин для возникновения неприязни не было: вне службы я с ним не пересекался, а офицером он был толковым и справедливым. Даже не знаю, как объяснить. Ну вот не нравится человек, и все тут.

– Весь внимание, – подпустив в голос яда, сказал я.

– Давай сюда образец.

– Чего это вдруг? – Я даже не стал интересоваться, откуда он про него узнал. И так все ясно.

– Давай-давай. – Бес ехидно ухмыльнулся, не переставая сверлить меня взглядом. – Это не в твоей компетенции, Олежек. Кстати, в отчете это место тоже можешь опустить.

– Как скажешь, Жека! – пожал я плечами.

Вот везет мне на Евгениев, блин! То незабвенный Королев, то теперь вот Бесчастных… Я неторопливо извлек из дейпака пробник и подал лейтенанту. Тот потянулся было за моей добычей, но я отдернул руку:

– А полномочия предъявить? Шучу, забирай.

Бес ожег меня злобным взглядом, но усугублять конфликт не стал. Забрав образец, он ловко запрыгнул в кабину катера и уже оттуда издевательски отдал нам с Петровичем честь. Кот пренебрежительно повернулся к машине задом, пару раз скребнул по земле задней лапой, символически закапывая что-то, и дернул «штанишками» в характерном жесте.

– Согласен, – усмехнулся я. – Не тронь, оно и не воняет.

Катер уже давно скрылся из вида, а я все стоял на прежнем месте, глубоко задумавшись. Быстро все-таки среагировали, не поленились целого офицера прислать за уликами. Однозначно тварь с базы, не ясно лишь, сама она сбежала или ее специально отпустили. Радовал тот факт, что ситуация под контролем и сюрпризов, как на Находке, ждать не следует. Так что можно наплевать и забыть, у нас и своих за-

бот выше крыши, чтобы еще и чужую работу делать. Кстати о птичках…

– Ну что, Петрович, пошли, что ли?

Хочешь не хочешь, а остров надо осмотреть до конца, тем более что ученые еще не собирались сворачиваться и надо было убить часа три времени.

Система тау Кита, планета Нереида, 18 декабря 2537 года, вечер

Остаток рабочего дня, равно как и обратный перелет, прошли в штатном режиме. Валерка с Робертом всю дорогу с жаром обсуждали собранные данные, что-то в них оказалось интересным, но я из их беседы понимал хорошо если одно слово из пяти. Довольный как чайник Раскольников в диспуте участия не принимал, предпочитая потягивать пиво из банки, мы же с Петровичем тихо-мирно подремывали в креслах. Вернее, кот дрых без задних ног, а я просто делал вид, дабы никому не пришло в голову донимать меня дурацкими вопросами. В конце концов я даже погрузился в некую зыбкую полудрему и позорно прозевал прибытие: очнулся лишь когда створки люка пассажирского салона с привычным шипением пневмопривода откинулись вверх. Петрович подергал ухом и продолжил сладко сопеть, игнорируя мои мысленные посылы, так что пришлось его без затей – за шкирку – вышвырнуть из уютного нутра катера. Да и сам я задерживаться не стал, выпрыгнул следом, привычно при-

держивая ружье, чтобы не долбануло о створ люка прикладом.

Стартовый комплекс с момента нашего последнего посещения ничуть не изменился – все такая же бетонированная площадка – и мы без задержек протопали прямиком в здание лаборатории, где мне с барского плеча Робинсон выделил отдельный закуток с рабочим терминалом. Здесь я с удовольствием избавился от излишков снаряжения, свалив их кучей рядом со столом, и занялся обязательными формальностями вроде оформления отчета о проделанной работе. Слава богам, стандартная форма заполнялась за несколько минут, дольше данные с вычислителя анализировались, а об инциденте с неизвестной тварью я благоразумно промолчал, как и советовал Бесчастных, поэтому на все про все ушло примерно полчаса. Петрович за это время распотрошил дейпак и умял остатки пайка, не побрезговав «кошачьей радостью», напугал незнакомого лаборанта и собрал положенную порцию умильных «ути-пути» и съедобных ништяков с обитательниц окрестных кабинетов. Разобравшись с ненавистной писаниной, я прямо с терминала вызвал Галю. Та отозвалась через несколько секунд, строго глянув на меня с дисплея:

– Младший научный сотрудник Рыжик на связи.

Судя по стандартной марлевой повязке и кипенно-белому чепчику, скрывавшему буйную шевелюру, я оторвал ненаглядную от работы, о чем она и поставила меня в известность подчеркнутым официозом. Не сдержав улыбки – меня

откровенно пробивало на ха-ха при виде этого анахронизма на лице любимой, – я смиренно напомнил:

– Радость моя, рабочий день закончился.

– Как? – Галя машинально сдернула повязку и скользнула взглядом куда-то вниз. – И правда… Черт, мне совсем чуть-чуть осталось.

– Тебя ждать?

– Погоди… У меня опыт заложен, еще двадцать три минуты. Потом еще с четверть часа на обработку результатов. Так что сам решай.

– Ты одна?

Галя задумалась на секунду, потом ненадолго исчезла из поля зрения камеры.

– Ты смотри, оказывается, только я тут такая увлеченная особа! – поделилась она наблюдением, вернувшись за стол. – Все уже разбежались, даже профессора Корневой нет.

– За-меч-та-тель-но! – потянулся я. – Встреть нас минут через десять. Или без тебя опыт сорвется?

– Да нет, нормально все будет… Ты что задумал? – опомнившись, с подозрением осведомилась девушка.

– Увидишь.

Не дожидаясь возражений, я разорвал связь и вырубил терминал. Красовавшийся на левом запястье инфор так и не ожил, из чего я сделал вывод, что Галя смирилась с обстоятельствами и препятствий нам чинить не намерена. Выпроставшись из кресла, я окинул оценивающим взглядом ра-

бочий беспорядок, который лишь врожденная деликатность не позволяла именовать бардаком, и решил, что сойдет для сельской местности. Дверь кабинета крепкая, рассчитана на возможную герметизацию в случае утечки какой-нибудь гадости – все-таки здание биолаборатории, а не банальная казарма, – так что сдавать снаряжение на хранение Охотникам смысла нет. Тем более что объект режимный, и они наверняка полезут в бутылку, ибо с завершением официального рабочего дня всем, кроме дежурного персонала, положено выметаться прочь. Они меня по-любому засекут через систему видеонаблюдения, но связываться поленятся – пост на вахте считался синекурой. Другое дело, когда добыча сама идет тебе в руки. «Психология!» – как говорил один мой препод в академии.

Содрав с левого бедра ножны, закатав рукава и подвернув длинный, под горло, ворот, я наконец стал походить на человека, а не на увешанного пластиковой броней терминатора. Из куртки я вылез, едва вошел в кабинет – в ней работать за компом не очень удобно. А верхняя часть термокомбеза смахивала на обычную черную водолазку, особенно после всех манипуляций. Теперь можно было относительно спокойно перемещаться по зданию, не опасаясь обмороков дежурной смены. Удивить случайных встречных может разве что кобура с пистолетом, но от нее избавляться я и не подумал – ненавижу чувствовать себя на работе безоружным. Как голый, право слово!

Вернувшийся из рейда Петрович одобрительно муркнул, оценив мой внешний вид, за что удостоился почесывания за ухом. Покончив с подготовительными мероприятиями, мы выбрались из кабинета, заблокировали дверь и двинули к лифту, благо дорога была нам хорошо знакома. У Гали в модуле мы еще ни разу не были, а вот межэтажными кабинами пользоваться приходилось регулярно. Шахты были проложены в огромной центральной колонне, одновременно служившей элементом силового каркаса купола, и пронумерованные двери выходили по кругу: три кабины соединяли уровни от минус третьего до пятого, четвертая обслуживала подземную станцию монорельса, проложенного к Обезьяннику, а пятая как раз таки доставляла персонал в подводное логово наиболее отмороженных любителей морской живности.

До нужной кабинки мы с напарником добрались без помех, так никого и не встретив по пути. Двери послушно распахнулись, стоило лишь ткнуть в сенсор – опять же ничего удивительного, и скоростная капсула за пару минут доставила нас к приемной станции, в этот час безжизненной и оттого немного мрачной. В полумраке дежурного освещения мы протопали из тамбура по длинному коридору в центральный зал с прозрачной крышей. Здесь нас уже ждала Галя, так и не избавившаяся от белого халата. В помещении с непривычки было жутковато: местное светило еще не скрылось за горизонтом, и сквозь десятиметровую толщу воды проходило достаточно света, окрашивавшего все вокруг в зловещие фио-

летовые с прозеленью тона. В таких условиях Галя смахивала цветом кожи на хорошо выдержанного утопленника, и я невольно содрогнулся. Видимо, сохранить невозмутимость мне не удалось, потому что девушка фыркнула и, не сдержавшись, рассмеялась:

– Не переживай, Олежек, ты не краше! У всех такая реакция в первый раз, сама, помню, чуть в обморок не грохнулась, когда здесь Корневу встретила.

Я полюбовался вурдалачьей рукой и демонстративно оскалил зубы:

– Бойся меня, прекрасная дева!

– Укусишь?!

– Возможно! Место можешь сама выбрать.

Галя лукаво улыбнулась и сделала вид, что задумалась.

– Подсказать?

Я приобнял ненаглядную за талию и принялся нашептывать варианты на ушко. Судя по загоревшимся глазам, предложение ей понравилось. Она даже вырываться не пробовала, возбужденно дыша мне в шею, и отстранилась, только когда моя рука скользнула ей под халат.

– Денисов, ты озабоченный! Не здесь же, в конце концов! Пошли в кабинет.

Я торжествующе улыбнулся – не подвел метод! – и застыл на полушаге: что-то было не так.

– Ты чего? – встрепенулась Галя.

– Тсс… Петрович!..

– Чего Петрович? – Девушка тоже перешла на шепот и скользнула взглядом по залу.

Кот обнаружился в центре помещения, на большом круглом столе. Рыжий «столбик» прядал ушами и пристально следил за хаотичными перемещениями какой-то тени у нас над головой. А вот это уже напрягает! Кого он опять там высмотрел? Я бы и внимания не обратил, если бы не дискомфорт: охальник-котяра никогда не упускал случая поучаствовать в моих интимных забавах, советчик хренов. А сейчас вдруг такое пренебрежение…

– Кто там? – вместо ответа поинтересовался я, кивком указав на потолок.

– Не обращай внимания, это наверняка афалина, – отмахнулась Галя. – Их тут довольно много, постоянно вокруг модуля крутятся. Одна особенно любопытная, мы ее Варькой зовем.

– Петрович на них странно реагирует, – пояснил я. – Сегодня уже второй раз. На острове даже жрать отказался.

– Может, они ему просто нравятся… Блин! Опыт!

– Побежали, чего тормозишь! Петрович, не отставай!

Уговаривать напарника мне сегодня уже порядком надоело, поэтому я ограничился стандартным мысленным «за мной» и поспешил за Галей, которая успела нырнуть в один из радиальных коридоров. Быстро догнав девушку, я взял ее за руку – еще отстану, и плутай потом. Проход вскоре вывел нас в опоясывавшую модуль галерею с прозрачными

стенами, плавно перетекавшими в такой же потолок, и я застыл, пораженный открывшейся панорамой морского дна. Галя недовольно потянула меня дальше:

– Пошли, еще насмотришься. Да и нет тут ничего интересного, типичный прибрежный биоценоз.

А еще меня сухарем называет! Никакой романтики…

Я нехотя поплелся за девушкой, цепляя взглядом все новые и новые детали: нагромождения заросших водорослями валунов, редкие песчаные пятачки, россыпи мелких окатышей, неторопливо курсирующие тут и там косяки пестрых рыбешек… А днем тут, наверное, еще красивее!

По дну стремительно пробежала тень характерных очертаний, и прямо перед нами к галерее спустилась афалина. Я сбился с шага, но Галя и сама остановилась – видимо, любопытство победило – и завороженно уставилась на гостью, дыша чуть ли не через раз.

– Ты чего? – прошептал я, опасаясь спугнуть гостью.

– Первый раз так близко ее вижу, – чуть слышно отозвалась девушка, не сводя глаз с застывшего напротив нас существа. – Это Варька. Она любит здесь играть, но подплывает не ко всем. Только к тем, к кому уже привыкла.

– Поздравляю!.. Тебя, похоже, окончательно в коллектив приняли, – хмыкнул я, не повышая голоса. – Ты глянь, красотка какая!

Почему афалину назвали Варькой, я уточнять не стал, да и насчет пола не сомневался – кому, как не биологам, в та-

ких вещах разбираться? В принципе гостья ничем не отличалась от тех «дельфинов», что давеча рассматривал Петрович: грациозное существо около метра длиной, с черной спиной и белым брюхом, разве что над носом, как раз на выступающей вперед горбинке, красовалось неровное серое пятно неизвестного происхождения. Глаза афалины, подернутые поволокой, ожгли меня любопытным взглядом. Мне на секунду почудилось, что в них мелькнул разум, но я т отогнал бредовую мысль. Такое чудо за полуторавековую историю колонии непременно бы обнаружилось.

За спиной у нас прошуршали по полу кошачьи лапы – их милость Петрович соизволили явиться. Я собрался было шикнуть на напарника – не дай бог спугнет! – но тот и сам прекрасно осознавал ответственность момента. Остановившись буквально в паре шагов – своих, естественно – от прозрачной стены, он присел на задние лапы и потянулся носом к сверхпрочному пластику – поза номер пять из типового наставления по коммуникациям, стандартный ритуал знакомства. К моему огромному удивлению, афалина легким движением плавников переместилась метра на полтора вниз и застыла напротив любопытной кошачьей морды. Петрович прилип носом к стенке, от усердия поджав правую переднюю лапу и трепеща усами-вибриссами. Псевдодельфин снаружи повторил жест моего напарника, чем привел Галю в полуобморочное состояние. Я еле успел предостерегающе сжать ее ладонь, и она сдержала удивленное аханье, не отводя восхи-

щенного взгляда от разделенных пластиком представителей двух таких разных миров. Я осторожно активировал инфор, запустив видеофиксацию – пораженная зрелищем Галя не обратила на это внимания, – и мысленно потянулся к напарнику, намереваясь попросить того немного сместиться: ракурс получился не самый удачный.

В ту же секунду на меня обрушился хаотичный поток образов-эмоций: радость, удивление, огорчение от непонимания и всепоглощающее любопытство на чувственном уровне сопровождались немного размытыми видами подводных красот и разнообразных наземных пейзажей, разбавленных шизофренической смесью тех и других. Абстрактные деревья в толще воды, тянущиеся вверх причудливые водоросли в потоках сгустившегося воздуха, существа самых фантастических форм – все это мелькало перед моим внутренним взором со скоростью и беспорядочностью калейдоскопа. Я машинально «отпустил» разум напарника, и видение прервалось, осталась лишь звенящая тишина в ушах и легкая дурнота. Охренеть! Что это было?!

Ответ напрашивался сам собой, но был слишком невероятен, чтобы принять его на веру. Не обращая внимания на испуганный Галин лепет, я вновь попытался «почувствовать» напарника. Совершенно аналогичный результат заставил меня отшатнуться и опереться на глухую стену галереи. Предательская слабость в ногах мешала логически мыслить, да и разум отказывался воспринимать открывшийся факт: Пет-

рович и афалина… разговаривали?! Ну да, по-другому и не назовешь. Налицо осмысленный обмен информацией, правда, судя по некоторым эмоциям, пока что не очень удачный – собеседникам не хватало понятной обоим базы, они даже визуально зацепиться не могли. Мой напарник под водой никогда не был – он истово, до глубины своей кошачьей души, ненавидел эту субстанцию. Афалина, понятное дело, тоже по островам не гуляла. А подсказать некому – Петрович так увлекся, что «забил» весь диапазон мысленной речи. Меня всего лишь отголосками ментального обмена приложило, и то мало не показалось. К тому же я лишний раз убедился, что после общения с искином Первых моя связь с питомцем усилилась. И одним из побочных эффектов этого усиления было расстройство «фильтров», столь докучающее мне в последнее время.

Я почти минуту переваривал случившееся, потом ошеломленно выдохнул и обратил наконец внимание на почти потерявшую терпение Галю:

– Радость моя, держись за что-нибудь.

– Зачем?! – прервалась та на полуслове.

– Ты только не смейся. И не обзывай меня сумасшедшим.

– Да говори уже!

– Петрович РАЗГОВАРИВАЕТ с афалиной.

– Что?! – Девушка на мгновение лишилась дара речи, потом опомнилась и затараторила: – Как?! Ты уверен?! Но… это же невозможно!

Я в ответ лишь покачал головой – ошибка исключена.

– Денисов, признавайся, ты надо мной издеваешься?

– И в мыслях не было. Я тебе еще раз говорю: они общаются. Телепатически.

– Но… как?!

– Мыс-лен-но!!! – разозлившись, умудрился я рявкнуть шепотом.

Галя закусила губу и уставилась на виновников торжества. Петрович отлип от стены и теперь привычно изображал столбик, выписывая кренделя хвостом и ушами одновременно, а Варька медленно кружилась рядом, периодически задевая прозрачный пластик плавниками и любопытным носом. В общем, идиллия.

– Нужно что-то делать, – ожила моя ненаглядная через некоторое время.

– Например?

– Как-то зафиксировать. Это же величайшее открытие в области ксенобиологии за последние сто лет! Это же Нобелевская премия!

– Чего разоралась? Спугнешь сейчас, и плакала твоя Нобелевка, – осадил я девушку. – Что ты предлагаешь конкретно?

Последнее слово я намеренно выделил. Галя задумалась, покачивая головой в такт мыслям. Я и сам прекрасно понимал, что просто стоять и глазеть глупо, но придумать план получше был не в силах. Разве что…

– Слушай, Галчонок, а если я попробую к Петровичу через коннектор подстроиться?

– Тебе видней, – пожала она плечами в ответ. – Я не специалист в таких вопросах. Но ты только представь последствия! Это же новая разумная раса! Невероятно!..

– Думаешь? – хмыкнул я. – Почему же ее тогда до сих пор не открыли? Дураки планету исследовали? Или лентяи?

– Да ну тебя! Ты же сам не первый год в этом варишься, неужели до сих пор не понял, как это делается?!

Вот тут она права. Процедура стандартизирована вот уже лет двести как. Прилетели, зафиксировали новый вид, прогнали стандартные тесты, просканировали и готово. Кому придет в голову анализировать мозговое излучение каких-то дельфинов? Записали типичные звуковые сигналы, примерно определили спектр зрения и остроту слуха, присвоили труднопроизносимое латинское название и номер по каталогу – вот и вся недолга. Других задач перед биологами на начальном этапе исследования новой планеты не ставят, слишком уж большой объем работ на их долю приходится, особенно если мир живой и цветущий, как Нереида. Уверен, что уже сейчас перечень представителей только фауны переваливает за пару десятков тысяч пунктов, и это наверняка лишь малая часть реального разнообразия. Где уж тут выявить телепатические способности у отдельно взятого вида морских животных? Впрочем, в свете открывшихся обстоятельств животными я бы афалин называть поостерегся.

Теперь настала моя очередь чесать в затылке. Если сейчас рвануть за шлемом, могу вернуться к шапочному разбору – кто знает, сколько еще непоседливая гостья пробудет с нами? Просто стоять и пялиться на невиданную картину тоже глупо. Еще раз попробовать «послушать»? Смысл? Петрович настолько увлекся, что на меня не обращает внимания, звать бесполезно. Разве что волшебный пендель выписать… Опять же не уверен, что поможет. Плюс ко всему предательская слабость в теле: открытие поразило меня до глубины души, до сих пор успокоиться не могу, хорошо хоть не колотит от возбуждения, как Галю. Та уже с трудом стоит на месте, лишь холодный разум ученого удерживает ее от вмешательства в процесс, да и я довольно сильно сжал ее ладонь – чисто напомнить, что в данном конкретном случае инициатива с ее стороны излишня.

К вящей моей радости, конфликт между разумом и чувствами разрешила сама афалина: она вдруг застыла на мгновение, явно прислушиваясь к чему-то, потом грациозно развернулась и за считаные секунды скрылась из вида. Петрович окинул меня торжествующим взглядом и принялся с довольным урчанием прихорашиваться, развалившись на ковровом покрытии.

«Стрррранное!..»

Невероятно, но факт – кот сейчас прямо-таки лучился самодовольством, типа говорил тебе, а ты не верил. И кто теперь из нас молодец?

Я посмотрел на Галю. Наши одинаково растерянные взгляды пересеклись, и девушка с радостным визгом бросилась мне на шею:

– Олежек!!! Я тебя люблю!

– Конечно, дорогая, – невпопад ляпнул я, закружив ее на руках.

Бурное проявление щенячьей радости завершилось тем, что мы со всего размаха влипли в стену. При этом Галя еще зацепила Петровича ногой, и тот с недовольным мявом умчался дальше по коридору – видимо, от греха. С трудом удержавшись на своих двоих, я опустил девушку на пол и попытался заставить себя мыслить конструктивно. Получалось плохо, не давало покоя осознание того факта, что весь задуманный интим теперь насмарку. Хорошо, если к полуночи Галя угомонится, невооруженным взглядом видно, что она потихоньку отходит от первого потрясения и теперь ее понемногу охватывает предвкушение будущего триумфа. У нее так бывает периодически: то она заражает всех окружающих оптимизмом и набрасывается на самые сложные проблемы, то вдруг начинает хандрить и застревает в неожиданных местах, зачастую безобидных. Я как-то стал свидетелем ее беседы с профессором Накамурой – еще на Находке – и тот ей прямым текстом сказал: ученый не должен быть столь подвержен настроению, иначе это не ученый, а энтузиаст-любитель. Может, и талантливый, и даже с проблесками гениальности, но любитель.

– Так, радость моя! Давай-ка остынь. Как там твой опыт, кстати?

– Какой опыт? А! Да бог с ним! Ты только представь!..

– Да уже. – Надо ее как-то привести в чувство, или она сейчас точно чего-нибудь натворит. – Всемирная слава, Нобелевка, деньги… Выпивка, блек-джек со шлюхами, излишества разные нехорошие… Тюрьма… Ты лучше скажи, как мы теперь твою Варьку искать будем?

Галя проглотила готовую сорваться с языка суровую отповедь, и оторопело уставилась на меня. Вот как знал! Хоть моя ненаглядная натура возвышенная и увлекающаяся, но сиюминутные проблемы моментально возвращают ее с небес на землю. И, что самое приятное, стимулируют мыслительный процесс.

– Девочки говорили, что они несколько десятков афалин пометили, – известила она меня после минутного размышления. – Надо проверить каталог. Может, Варька там есть.

– Пошли!

Довольный, что удалось перенаправить Галину энергию в конструктивное русло, я схватил ее за руку и потянул к выходу из галереи.

– Денисов, стой, дурак! Нам ко мне в бокс нужно, у меня есть доступ на сервер.

– Ну веди тогда, чего тормозишь?!

В кабинете царила полутьма, нарушавшаяся настольной лампой и тусклым мерцанием дисплея с кучей разноцветных

графиков. Петрович уже был здесь – по своему обыкновению, занял самое козырное место, то есть рабочее кресло, и уступать его без боя хозяйке не пожелал. Но та к шуткам была не расположена и бесцеремонно спихнула моего напарника на пол. Кот обиженно заворчал и принялся тереться о мои сапоги.

– Петрович, не до тебя. Отвали! – Я оперся на спинку кресла и уставился в монитор из-за Галиного плеча.

Та уже свернула графики и залезла в интерфейс какого-то малопонятного каталога. Просмотрев с десяток страниц, она разочарованно выдохнула:

– Варьки в списках нет.

– Не расстраивайся, любимая. Посмотри еще раз, внимательнее только.

Галя тяжело вздохнула, но спорить не стала, вывела данные на экран и принялась добросовестно изучать таблицы с фотографиями и кучей непонятных мне сокращений.

– Вот она, но маяка на ней нет.

– Не смертельно. Главное, мы знаем, к какой группе она принадлежит. Видишь, здесь целых три меченых особи. Теперь нам нужен локатор или хотя бы частота сигнала, тогда я смогу ее даже через аппаратуру шлема засечь.

Галя подняла на меня полный надежды взгляд, и я поспешил закрепить успех:

– Знаешь, у меня есть план. Нам нужно завтра выйти в море. Или хотя бы послезавтра. Единственное условие – идем

только мы втроем. Сможешь устроить?

– А почему втроем?

– Галина, я таки вас умоляю, как говорит Миша Кульман. – Я потрепал Галю по голове и в заключение легонько щелкнул по носу. – Давай будем считать, что я излишне суеверный и не хочу сглазить. Вот получим хоть какие-нибудь доказательства, тогда и будем всех на уши ставить. Идет?

– Хорошо, – подозрительно легко согласилась она. – Завтра не обещаю, но послезавтра запросто. Скажу, что мне нужно собрать образцы и кое-где буи поставить. Надо только придумать, как вас с Петровичем к этому делу приплести, а от Охотничков избавиться.

– Ты, главное, дай Робинсону заявку, а там я что-нибудь соображу. Кстати, опыт доделывать будешь?

– Не могу! – выдохнула Галя. – Трясет всю, руки ничего не держат. Не знаю, что и делать.

– Зато я знаю…

Кажется, поспешил я с выводами насчет интима.

Глава 3. Моя твоя не понимай

Система тау Кита, планета Нереида, 20 декабря 2537 года, утро

– Таки я не понимаю, зачем вам эта бандура?! – Миша Кульман собственноручно спихнул с платформы электрокара здоровенный кофр с заключенным внутри многофункциональным… пусть будет «эхолотом» – для простоты – и недоуменно уставился на меня. – На катере же стационарный есть.

– Все вопросы к Галине Юрьевне, – отперся я.

На самом деле все очень просто: оборудование катера автоматически передавало результаты телеметрии в центральный «мозг» базы, а мне этого на данном конкретном этапе хотелось избежать. Считайте, что у меня мнительность зашкаливает, и вообще я параноик, но вот есть у меня такая черта – до ужаса не люблю хвастаться чем бы то ни было, пока не получу осязаемый результат. Потому и эхолот выцыганил у Кульмана (вернее, Галя с моей подачи) – модель устаревшая, но при этом надежная и мощная. И вообще это не эхолот, а мультифункциональный измерительный комплекс, но каждый раз такое выговаривать язык сломаешь. Так что обзовем для ясности по одной из функций. И не умничает сверх меры: пока в ручном режиме передачу данных не

настроишь, не самовольничает. Оставался еще баллистический комп, вмонтированный в шлем, но тут я знал, что делать: небольшой апгрейд софта, проведенный вчера втихомолку, позволял настроить внутренний файервол на фильтрацию исходящего трафика, так что не запалюсь. Правда, пришлось в процессе немного поизвращаться – доступ к программному обеспечению удалось получить лишь через коннектор, который я, благодаря специфике деятельности, имел право настраивать, как мне вздумается. А изнутри системы отыскать слабое место удалось всего за полчаса.

– Она сказала, что мощности мало, – ухмыльнулся Миша.

Согласен, отмазка странная. Встроенный аналог бил чуть ли не на сотню километров. С учетом местности (напоминаю: тысячи островов разных размеров, разделенных узкими проливами) дальности действия хватало за глаза.

– Это она тебя просто шокировать не хотела. Мне она вообще сказала, что на катере дисплей тусклый и глаза все время напрягать приходится.

Кульман недоверчиво хмыкнул.

– Открою тебе страшную тайну, – заговорщически понизил голос я, – она просто в рубке торчать не хочет. В ней же толком не позагораешь, крыша хоть и прозрачная, но поляризованная.

– Ой вей! – изумился Миша такой женской коварности. – А на терминал ручной вывести данные не судьба?

– Так это ж напрягаться надо!

Прикинув трудозатраты (выяснить, что «эхолот» есть на складе, договориться с евреем-снабженцем, уговорить его же доставить бандуру к причалу плюс как-то обосновать необходимость всех этих действий), Кульман тихонько застонал. Рассевшийся у него на плече попугай взъерошил перья и расправил заново отросший хвост, поддержав негодующего хозяина морально.

– Таки ви, Карлуша, теперь понимаете, что такое женская логика? – Ученый скормил птицу щепоть каких-то семян, завалявшихся в кармане халата, и уселся за руль, напоследок громко посетовав: – Ой вей, а я таки хотел сделать Саре предложение! Какое счастье, что можно учиться на чужих ошибках!

Птиц перепорхнул на сиденье рядом с ученым и что-то гневно чирикнул: видимо, он с женским полом имел дело, но приятеля типа меня у него не было, и пришлось ему все прелести общения с самками прочувствовать на собственных перьях.

– Ладно, Денисов, удачно прогуляться! – уже на ходу отсалютовал мне Миша, отбросив дурашливый тон.

– Вали давай, – беззлобно отбрехался я себе под нос: электрокар упылил уже достаточно далеко, а горло драть не хотелось.

Активировав усилитель, я легко забросил кофр на плечо и пробежал по узким пластиковым сходням, перекинутым с причала на небольшой – метров десять в длину – катер

обычной бело-голубой расцветки. Благодаря обтекателю из поляризованного пластика надводная его часть очертаниями больше всего напоминала тапку без задника. «Пятка»-корма играла роль палубы, под которой пряталась уютная каюта, оснащенная кухонным автоматом, а также совмещенный санузел. В «мыске» располагалась ходовая рубка, напичканная всевозможной регистрирующей аппаратурой. Спускаться сюда с палубы приходилось по крутому трапу в пять ступенек.

– Милый, ты уже все? – удивилась удобно разместившаяся в шезлонге Галя.

Она уже успела надеть – вернее, раздеться до – бикини и теперь жмурилась на ласковое утреннее солнце, совсем как Петрович. Этот предатель предавался аналогичному занятию, по-хозяйски устроившись у девушки на животе.

– Ага. – Я с притворным кряхтением устроил кофр на палубе и нырнул в люк, ведущий в каюту. – Щас, переоденусь только!

Галя что-то крикнула вдогонку, но я не обратил внимания – очень уж хотелось поскорее избавиться от надоевшей егерской сбруи. В кои-то веки выпала возможность почувствовать себя человеком, а не упакованным в броню киборгом. Правда, вбитые за годы учебы и профессиональной деятельности рефлексы протестовали против наплевательского отношения к оружию, поэтому кобуру и верный «меркель» я аккуратно пристроил на вешалке. Побросав остальной

ную экипировку на широкую низкую лежанку, я натянул шорты-гавайки веселой расцветки – ага, из тех, что в «Турист-мастере» прикупил – и выбрался из уютной полутьмы на палубу. По-утреннему свежий ветерок холодил кожу, и я зябко съежился, с завистью уставившись на кайфующую Галю. Та лениво приоткрыла правый глаз (зараза-Петрович зыркнул левым):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.